

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

1905

1925
№
24

//МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ//

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Чернышевского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-49-13 и 1-81-01.

Рукописи принимаются написанием на левую и правую четку от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ОРГАН

Центрального и Московского Комитетов Российской Коммунистической Партии.

Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 ном.	4 руб. 10 коп.
• 6 мес. — 12	2 . 25
• 3	1 . 15
• 1	6
• 1	2
• 1	1
Отдельный № высылается за	20

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий из-ва «Молодая Гвардия», Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

„СЛАВЬСЯ, СЛАВЬСЯ, НАШ РУССКИЙ ЦАРЬ...“

Вот как писал Его Величество русский царь Николай Александрович в 1917 г. Князь Николай Николаевич в свите императора. Возмущенно — он говорит о том, что происходит:

Дни триумфа, необходимо было бы арестовать уполномоченных — большевиков, предать их военно-полевой суду и расстрелять.

Дайте мне
будет

поэтому

арестовать его Величество Николая Николаевича Александровича и предать его военно-полевой суду и расстрелять.

Дайте мне
будет

3 декабря 1905 года
Император Николай II

3 декабря 1905 года.

Вспомогательные представления ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

представил командующий войсками Московского военного округа, генерал-майор

Иван Иванович Малахов. Военному министру от 2 сего декабря за № 722 и в виде

телеграммы от 3 сего декабря за № 720

Иван Иванович Малахов

1911

1911

ПРЕСНЯ НИЙ

иллю
Г. НИКИФОРОВ—

ЧЕТЫРЕХ дней не прошло. Часы то ропились, или военные власти спешили. Непонятно было.

Началось с пяти часов. Раннее утро с превеликим трудом отдирало с земли бо-ль-ши-ми ключьями перемерзший ночной туман.

Внебольшой, доверчиво привалившийся к четырехэтажному каменному соседу, деревянный домик по Трехгорному переулку, что высунулся концами в две улицы—в Нижнюю и Большую Пресненскую,—вбежала высокая, растрепанная женщина и, едва удерживаясь на ногах, окочкавшись и запутавшись в сползавшей юбке, брякнулась всей тяжестью тела на самодельный, топорной работы, стул. Господи, Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!—выговорила женщина.

— Что ты, Ариша? Что ты?—метнулась к ней хозяйка, пропитанная запахом богородской травы и ладана старуха.

— Не спрашивай, милая Егоровна, ужasti, что творится, спаси и сохрани!

— Куда же тебя посит без пути в эту пору?

— Да, ведь, ушли все мои-то, чуть свет утекли. Сам убежал, и мальчонка с ним. Я туда—я сюда: кинулась в Нижнюю, оттуда фабричные валом валют, я кверху, на Большую Пресненскую. И не пройди-то, мил моя, не проехать. Такую везде горьдобу нагородили. И луть меня не оглушило там,—смерть-то прямо мимо носа чиркнула. По всей Большой поперек бревна навалены: телеграфные столбы подрублены, заборы поломаны, ворота посянны. Главула из за угла: народ по собачи на четвереньках под горьдобу, а с этой стороны из ружей: рых-рых-рых. Рых-рых-рых. Оторвься, на тот грех, кирпичина, вот этак-ий, с карниза, и—ух мне под ноги, я шеметом в сторону. Опаматовалась и кричу: „Митя, Митя!“

— Где уж,—безнадежно отмахнулась старуха,—иди—свисти.

— Да и то, за отцом, вишь, погнался. Ах ты, горе мое! Ну, настоящий саврас

—Глади, глади... На комедий!

без узды. Подумай-ка, пальба какая, так и режут, бесперечь: рых-рых-рых. Рых-рых-рых.

— Неужто в наш Трехгорный дойдет?—забеспокоилась старуха.—Угомонится, поди-ка.

— Что ты, Егоровна! Где уж тут угомониться! Сказывают, напротив, будто царь велел передать через посольного: „сдавайтесь! Выжгу, говорит, начисто всех бунтовщиков, до единого“.

Разгневался.

— Не говори! А наши фабричные царскому посольному и лянны теперь: „Все равно наша жисть на погубели стоит, не сдадимся“.

— Ах ты, святители наши, Никола угодник! Что же это будет?—закрестилась старуха.—Да неужто так и сказали!

— Так и сказали, так вот наотрес и отрезали.

— Пойти, никак, окна припереть,—закружилась по комнате перепуганная хозяйка,—вот, ведь, напасть какая, что ты будешь делать...

— Пооди, поди, Егоровна. Запри и то. Страшно будет—ко мне придешь, все не одна, у нас на задах не так опасно. Сложу еще погляжу, не найду ли парня.

— Все как есть бросила, и ничего-то мне не надо,—приговаривала женщина, подвизывая юбку болтавшейся у талии тесемочкой.—Позабыла, позабросила...

Она легонько толкнула выходную дверь и, слушая, приложила ухом к щели.

— Выходи, Ариша. Все под богом,—решительно проговорила Егоровна.

Под ногами поскрипывал снежок, в перулке бегали люди, каждый отыскивал своих. Ветер расшвыривал под домами звуки ружейных выстрелов. Пресня начинала последний бой...

Внизу, по дороге к Зоологическому саду и туда, вверх по направлению к Ваганькову кладбищу, идут ряды баррикад, за ними, разбившись по-двое—по-трое,—черные пятна дружинников, плохо различимых в серости подслепятого утра.

У баррикады, идущей от угла Трехгорного переулка, около узкого прогала, за грудой камней и леса, пристроился жестящик Панфилюк; впереди перед ним, у второго заграждения,—десятка два дружинников. Изредка пробегают откуда-то сверху с носилками женщины-санитарки.

— Тетенька, тетенька! Здесь вот, здесь!—кричат ребятишки, завидя повязку красного креста, и скачут навстречу, из окна в окно, по подвальным этажам, храбро, с озором, перебегая улицу, ukazывая раненых.

— Куда ты, шибдник несчастный, под огонь лезешь?—крикнет кто-нибудь из дружинников, но шибдник лет девяти—двенадцати, задорно подблескивая

ЗАЧИНАЛА ПОСЛЕД БОЙ

СТРАШНО
В. ЕФАНОВА

Нет, слышите, братишки!

любопытными бойкими глазами, уже мигнул по другой стороне.

Взвизгнул, взвизгнул, — с ласковой хитрой поспытивался пули.

Пак, пак-пак... колола выстрелами баррикада.

Справа, слева, впереди и позади Панфилича — дружинники, все они одноклассники. Панфилич к ним перестал присматриваться. Час назад тут вертелся Гурнич, скакая по баррикадам, с кем-то ругался, кажется, с Шумилиным, но вот теперь, когда немного расселось и можно было различать людей, никого из прежних знакомых Панфилича признать не мог.

Рядом с ним полудежал, прислонившись спиной к серой могильной плите, попавший сюда неизвестно каким путем, молодой фабричный рабочий. Лицо его от страха и боли развело в разные стороны, как будто ему выдирали зубы. Удавтившись широко распыленной ладонью за грудь, он смотрел, перекосив глаза, как через пальцы просачивалась кровь, шевелил дрожащими поспытившими губами и шепотком, по-детски, беспомощно выговаривал, растягивая каждое слово:

— О-о-о, умираю. Братцы мои, товарищи, умираю.

Панфилич, то и дело хлопая из солдатской берданки старого образца, в промежутках между выстрелами уговаривал раненого:

— Погоди ты, не южи, чего жожить-то, забастовщик тоже! Гляди, гляди! — кричал он, забывая на минуту о раненом.

— Ха-ах ты, сволочь! На лошади лезет. Ну, нет, слышь, брат!

Он тщательно прицелился в пока завшего на улице перед баррикадой казака и выстрелил, сваливая метким выстрелом надзирка.

— Вот как воевать надо! — снова обращался он к рабочему.

Аты скулишь! Погоди, браток, я тебе сейчас папироску, хе-ах.

— Вот у меня Катюха: два раза прострелена и стоит, — похвалялся Панфилич дочерью. — Иди на пункт, она тебя перьяжет. Не можешь? Ну-ка, держи папироску. Вот так, затянешь крепче, в голову вдаришь и ничего. Глотай, глотай сильней! Слышь, как из пулемета зажаривают! Катюха у меня молодец. Все уговаривала: «Не ходи, отец, куда тебе!», а сама: «Россия, говорит, гибнет под пятой самодержавия». Ну, я к Антону, раз на то пошло: давай винтовку, я тоже под пятой, если так, невозможно терпеть.

— Ах, чорт! Это, никак, из пушки швахнули, чуешь? Разобьют, матери их оглоблю в зубы, уходить надо, ребята на другую сторону бегут. Ну, как-с тобой быть? Да не южи ты, сделал одолжение, скуку вводил.

Гаркнул оружием, снаряды с голым вальцем во всем бурвили морозную мглу.

Из проулка вынеслась на вершину шершавой баррикады стая кур. Большой, горделивой осанки, золотисто-сизого оперения, петух, курляка и тягело хлопая крыльями, перелетал по этой стороне, где, праячаясь за бревнами и выступами домов, рассыпались дружинники.

Артиллерия, утешенно стреляя, насупывала неприятеля. Снаряды, делая

перелет, должились неподалеку за баррикадой. Взрывы были оглушительные гулки, куци взметанного снега, песку и расщепленного дерева взвивались вверх. Петух беспокойно метался, издавая горловые звуки своеобразного, тягучего клекота. Куры, должно быть, не слышали его призывных криков, они, раскрывшись, угорело совались между поваленных бревен, кудухата от овладевшего ими испуга.

— Эх, пропало хозяйство! — слышались насмешливые крики дружинников. — Вася, гони их к чертам!

— Ну, да, попробуй высунься, вко ты, — переключались голоса.

— Товарищи, пригото-овсы! — послышалось из окна второго этажа. — Пехота пошла.

Выскакивая из за прикрытий, большими прыжками сбегали дружинники. На секунду оглушила треск беспорядочных выстрелов. Цепь наступающих солдат Семеновского полка, не ожидавшая сопротивления у первой баррикады, в замешательстве хлынула назад, оставив десяток убитых и столько же раненых, корчившихся и завывавших от боли. Цепь ушла, защищающие баррикаду умолкли. Снаблюдательного пункта продолжали командовать.

— Товарищи, остерегитесь! — И тут же взвизгнула пулеметная пыль.

Но в этот момент, забывшая об опасности, все остановилась.

Влево, впереди баррикады, по крыше четырехэтажного дома пробирался Шумилин. В его руках была начиненная в обрез газовой трубы, бомба. Поднявшись из за кирпичного барьера, Шумилин размахнулся всю свою ширину и швырнул бомбу далеко на улицу. Грохочущий оглушающий взрыв, и тараракающий пулемет затихли.

В простоты криши было видно слуховое окно, откуда торчал Андрейка, держа ноговое вертучу бомбу.

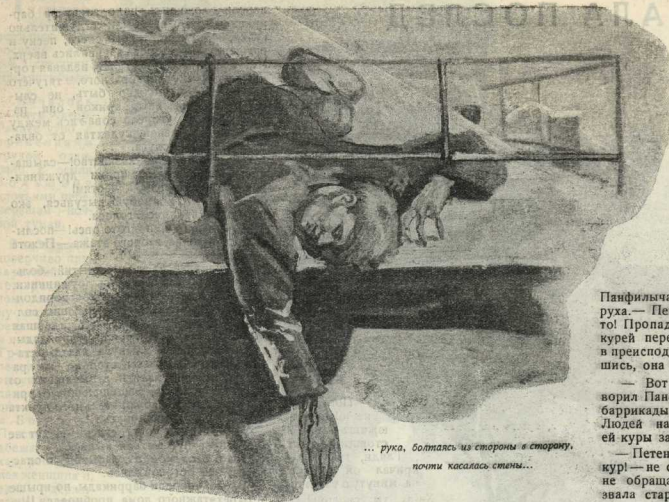
Шумилин повернулся и, распорив руку кормислом, пошел обратно по самому гребню крыши. Должно быть его заметили. Чмокнувшие о баррикаду пули перенеслись вверх и, взвизгнув, заступали о железо, делая рикшет.

Андрейка нырнул вниз и больше не показывался.

— Ложись, ложись! — кричали Шумилину. — Вались на ту сторону! — Но Шумилин вдруг остановился, опустил руки, как бы раздумывая, потом, медленно подгибая колени, упал на правый бок. Быстро сползая вниз по оледенелой крыше, он перевернулся на живот, с разлета проскочил головой под низ решетчатого барьера и застрял там, высунувшись по плечи. Голова его дергалась; казалась, Шумилин хотел что-то вытряхнуть из нее. Правая рука упала вниз вдоль стены. И вот из головы по руке поползла тоненькая струйка дымящейся на холоде крови. Рука, болтаясь из стороны в сторону, почти касалась стены и выпысывала на ее белом фоне извилистые узоры.

— Вот тебе и все! — проговорил кто-то голосом торжественным, но тихим. — Пропал парень.

Выйдя Волковым переулком, солдаты снова осыпали из пулемета первую баррикаду. Дружинники упорно отстреливались, не желая уступить; но изморенность от частых перебежек, недоедания

... рука, болталась из стороны в сторону,
почти касалась стены...

и холода сказывались. Те, которые поставили своей задачей вырваться из яма, начали устывать, были обескровлены и держались исключительно силой собственной своей воли, не зная крепкой дисциплины, того необходимого дополнения, которое связывает сотни волю в одну.

Напротив за баррикадой стояли люди, однообразные в своих серых шинелях, одинаковые в своем движении по приказанию. Часто, не сознавая зачем и куда идут, все-таки настойчиво и упорно шли.

Пробираясь вдоль стен, перебежал Антон.

— Товарищи, уходите—артиллерия! В открытом пространстве между двух баррикад было голо, только на вышке еще еще громоподобно кулдающие куры. Началась перебежка по одному. Пули продолжали позвизгивать, шлепаясь о камни и стехи. Антон со стороны Кудринской площадки, догоняя друг друга, четыре отчетливых пушечных выстрела. Играв и перекатываясь в плотном искристом воздухе, снаряды производили особый свистящий гуд, похожий на то, как будто над гололой завали огромные крылья невидимой мельницы.

Прихрамывая на одну ногу, показалась из Трехгорного переулка Панфилова Катя, за ней Надя и двое рабочих с носилками.

— Ишь, овал!—обордовало Панфилич, не глядя на лежащего рабочего, которого десять минут назад утасовал куревом.

— Посмотри!—он толкнул его подокот.

За выстрелами не было слышно, отозвался ли рабочий, да Панфилич и не слушал: махая рукой, он старался

обратить на себя внимание дочери. Катя заметила, оббежала валавшиеся брenna. — Сражаемся!—кричал Панфилич.— Мы не как-нибудь, знай, замочайлив!

— Уходи, отец, уходи скорей!

— Уйдем, не бойсь,—шутл Панфилич, обрадованный появлением дочери.— Больно ты тропилыва. Ну-ка, за-бери этого, все южит, тоску наводит.

Катя подошла к рабочему. Вывернув шею и уронив руки вдоль тела, лежал он, полуткрыв глаза. Сбоку около разреза грудного кармана просачивалась кровь. Катя встряхнула его за плечи. Тело рабочего, мотнувшись, перегнулось надвое, головой в колени, оставаясь неподвижным.

— Кажется, этому больше ничего не надо,—проговорила Катя.

— Ну-у?—удивился Панфилич,— неужто помер? Ну, что же, итти, так итти!

Он подхитил винтовку и неторопливо зашагал в сторону распорывшейся во всю ширину улицы второй баррикады.

— Вот дела какие,—ворчал он,—сейчас кури только, и крышка. Кишит вы, оканье,—просовывал ногу в отверстие баррикады, замахнулся Панфилич на делявших всюду кур.— Куда вас занесло!

— Матушка ты моя-а!—неожиданно посыпалась визгливый женский крик.

— Цария ты моя небесная!—растопырив руки, выскочила из-за угла проулка раскормленная и видимо очень обобленная старуха. Суеусливо бегая вдоль баррикады, лоя кур, грозя в сторону дружинников и туда, где слышалась грохот орудий:—Ах, нечистая ваша сила,—выкрикивала она, гоняясь за курами.—Озорство-то развелось какое: у себя дома бьют, какие такие порядки пошли!

— Егорова, Егорова!—кричал кто-то испуганным, высоким голосом.— Куда тебя понесло на погибель?

— Уйди, коверга!—ругались замештавшие старуху дружинники. — Застрелай вель.

— Прогневился господь, последнее разорил, не унималась Егорова.— Когда на вас, оканье, провал будет? Другой день из дому выдти не моги.

— Хватай ты их, хватай! — заметил

Панфилича, обратилась к нему старуха.— Пестренькую, с хохолком-то! Пропадай моя головушка, всех курей перебьют. Чтоб, вам идолам, в присподню всем,—и, сплотившись, она бросилась за летухом.

— Вот дура старая, — проговорил Панфилич, застревая в дыре баррикады, — совсем ололуемела. Людей на смерть кладут, а тут ей куры задались.

— Петенька, Петенька Кур, кур, кур! — не смущаясь выстрелами и не обращая внимания на пули, звала старуха. Но петух не извлял желания угодить в руки

хозяйки. Он перебрал вверх по доске, замазавая крыльями.

Взвизгивание и раздирающий треск—снаряд, чиркнув по вершине первой баррикады, разорвался в центре двух заграждений. Соседний дом дрыгнул всеми стеклами, осыпаясь, полетела штукатурка. Камни, превращенные в пыль, дунали фонтаном, только одна секунда, и—тишина...

— Ик-и-ик—дергается, икала старуха, захлебываясь кровью, наполовину засыпанная снегом и щебнем.

— Финть-и, финть-и...—заскрилел задраный железный лист валавшейся около баррикады вывески. Панфилич, застривший в дыре, высунул оттуда один салог наружу и, похоже было, дразнил им кого-то, вывернув дырявую подметку в ту сторону, откуда прилетел снаряд, пошевеливая ступней на манер часового маятника.

Привазанный к жерди высоко над баррикадой, задронно искрился красный флаг. Поднямая головы, с опаской выглядывали дружинники.

— Конечно, как и не было старухи,—проговорил один из дружинников.— Вот тебе и кур-кур!

Петух лежал грудью на снегу, распустив крылья в ером, он вытянул шею далеко вперед, и, вздрагивая, трепеща крыльями пытался подняться.

Крылья, как весла, опираясь, поднимали и опускали тело. Петух сделал усилие, раскрыв клюв и, прыгая на груди, переваливался на другую сторону, описав круг. Перебитые ноги волочились позади, удерживаясь на тонких сужожилиях. Он собрался взлететь, мелко и часто дрожая, вертел головой, захватывая клювом снег, попеременно закрывал и открывал глаза, и было в

глазах человеческое любопытство: что же случилось, что он не может подняться?—Крр, крр,—напрягая последние силы, закричал пехот, и вдруг, перебросив голову почти к самой спине, задорно отогнувшись гребнем, заел.

— Ха-ах, как мауется птица!—громко вздохнул кто-то.

— Да застрелите же вы его, застрелите!—отчаянно закричал чей-то голос по ту сторону баррикады.

Артиллерийская стрельба усилилась, били с Кудринской, от Дорогомиловского моста, со стороны Ваганькова кладбища и от Трехгорной заставы. Залпы хохотая пняным, торжествующим хохотом.

— Не удержатся, выдохлись ребята,—говорил Антон, обращаясь к Наде, сидевшей в открытой двери подвального этажа, где был устроен перевязочный пункт.

Надя хотела ответить, но сразу не нашлась, что сказать. Голова наполнилась какой-то тяжелой жижицей, и совсем отказывалась соображать, руки, перепачканные в крови раненых, устало опустились, молча прислушивалась она к учащенным пушечным выстрелам.

— Ты пойдешь с Катей на Прохоровку пока не поздно,—снова заговорил Антон.

— Там штаб, слышишь!

— К чорту!—Послышался из подвала голос Кати Панфиловой!—Я никуда не пойду!

— Получено распоряжение: сдать оружие в организацию и уходить, понятно тебе?—крикнул Антон в дверь.

— А я не пойду!—еще злее заявила Катя из глубины подвала.—Идите сами!

Антон собрался что-то возразить, но не успел. Прибежал, задыхаясь, рваный

...Камни, превращенные в пыль, дунули фонтаном...

и грязный Андрейка, его лицо, тужурка и даже самые сапоги были в темных пятнах крови.

— Гроят, баррикады горят,—еще издали кричал он.—Панфилова снарядом убило, около меня прямо, вот!—И рукавом тужурки Андрейка отер слеза кровью.—Шумилина тоже там, на крыше...

— На крыше... — Надя поперхнулась остро жгучей горечью. «А когда мы победим, товарищ Утробина» — припомнилось ей. И вдруг приступ нестерпимой боли ударил в голову.

— Ребята к тебе послать, — топочил выкрикивать — Андрейка, не замечаю. Нади.—Потому там... Но ему не удалось кончить: из деверей выбежала Катя и плечом Андрейки затрясла под сильной почти мужской рукой.

— Убили! Отна убили! А-а, проклятые!—Она оттолкнула бросившегося к ней Антона, схватила и ластовящийся у стены винчестер, кинула было на улицу, но, как будто вспомнив что-то, остановилась.

— Антон, там умирает Гурвич, он тебя зовет, пойдй к нему! Передай еще комитету: я здесь осталась, и, быстро повернувшись, она скрылась за углом улицы.

— Погоди, я сейчас, — задержал Андрейку Антон, спускаясь в подвал, где находились раненые дружинники.

При слабом свете, проникавшем через затянутое паутиной окно, Антон, шагая через неподвижные тела раненых, отискал Гурвича. Около самой стены, ближе к окну, откуда через разбитое стекло дул холодный ветер, наметая аккуратенькими бугорками снег, лежал он, вытнувшись на разбросанных рогожах; по его лицу, бледному и заостренному, пробежала черная кайма давно небритых волос, и лежало лицо, покойное и как будто улыбающееся.

Гурвич потихоньку, одним пальцем, подзывал Антона с таким видом, словно собирался передать ему какую-то шутку, только сейчас придуманную им шутку.

Антон, коснувшись коленями пола, сел и наклонился.

— Товарищ Антон,—зашептал Гурвич,—слышишь? Да? Ну, посиди у меня немножко. Крутит здесь, ой, как крутит!—Ухватился он обеими руками за грудь.—Постой, уйди от окна. Стреляют. А! А я не могу, да... Антон, дай мне воды, я скажу тебе: у меня отец там, в Орше, ты ему напиши: Яков Гурвич—уже большой человек, кончал все науки, ну! Инженером приедет к вам. О-о! Он будет радоваться.

Гурвич закрыл глаза и минуту молчал, захватывая ртом холодную струю воздуха, ресницы упали в глубину провалившихся глаз, в разбитой осколком снаряда груди перекатывалось и вслики пывало.

— Старый отец,—опять заговорил Гурвич, приоткрыв один левый глаз,—

Передай мне комитету:

я остаюсь...

мудрый отец, он горюга: «Яша, ты же должен отыскать свое крепкое место на земле». Ну, я отыскал, разве нехорошо мне? Да!

Гурвич, не поднимая руки, вытянул из зажатого кулака длинный костыль указательный палец, перебрал губами, лизнул сухим языком запершуюся на губах сукровицу и тоненьким голоском выдал: «Наиши ему за все, я скажу тебе.» Он с усилием разорвал глаза, продохнул и поперхнулся. В края губ закрутились, вскакивая мелкими пузырями, кровь, на лицо легла нежная розная синева, палец, шевельнувшись, вытянулся еще дальше — замер.

С хрустом в коленях поднялся Антон, раздвинул плечи, сильною спиной разогнул напряжки, как бывало в работе, когда уставал очень.

Гурвич лежал неподвижный и тихий; под короткими усами медленно стекали в обе стороны тоненькие, красные, набухшим дождевым червяком, струйки крови.

Антон вышел. Надя сидела попрежнему неподвижно; она, должно быть, не видела Антона, плечи ее сузились, и вся она, с придурнутыми почти к самой груди коленями, казалась подавленной большой невидимой тяжестью.

Антон прошёл до угла. Пучешные вострелы утихали, весь край Большой Пресненской улицы, от Зоологического сада кверху до Волкова переулка и дальше, плавал в огне. Отчаянные крики женщин и детей, беспрерывная ружейная пальба перепуталась с треском пожара.

Обозленные солдаты, вымешая злобу, стреляли по перепуганным жителям, поднимали деревянные постройки и, слузалою, прикладывая штыками шпыряющих пистолетов работ.

Антон, молча, наблюдал разрушающее действие пожара. Чувство ломающей суставы ненависти к победителю и бессиле ноющей болью сосали внутренности.

Понял: ничего теперь не нужно: — ни его физическая сила, ни самый ум, изворотливый и находчивый, и он, Антон Адымов, тридцатилетний рабочий, перекашивший через собственную спину полугодичную жизнь юртым и постоянно напряженную работу подполья, ничего здесь поделать не может.

Конечно, надо начинать сизово! Какая еще предстоит борьба, неизвестно. Знал он одно: нет Шумилина, будет Пявлов, нет Гробовского, нет Гурвича, предлет другие. Антон вздрогнул и перелернулся. Позади стоял Андрейка, тянул за рукав и говорил:

— Поймаем, чего стоишь-то, убьют ведь!

Антон не сдвинулся с места, он все еще рассматривал жизнь, а она перед ним — его собственная жизнь, распласталась скатерть только не в цветочных любопытных узорах, а в чернильных пятнах, где покурней, где помелье пытая. Одно только совсем маленькое — различие, это Надя. Но теперь оно, это пятнышко, как будто откатилось в стору; где тут уследить за ним среди других, и нужно ли?

— Идем, идем, брат! — скачала он, и Андрейкина рука утонула в его широкой ладони.

РОТОНДА

М. ЯРОВА, иллюстрации М. ЯГУЖИНСКОГО

ским толотом, трещла тяжёлыми сапогами и тязжелым матом.

Уходя, длинная планшета с приколотыми к черной кружевной груди серебряными часами с серебряным же блатом, скиснувшие в олазобое дребезжала по кланьям изможенного, потогото и алыго пинию, и развизушо слышала прорывавшейся в гдету тишину одобрательной гомой или пльнуу матершину.

В фойе стояли круглые столы, крытые герми и желтым клеенками с изображенными битв или русских щерей. Вечерний столы устанывалозащиты пудатими белыми чайничками, как в трактире, и лесом пивных бутылко. Здесь же торчалым водкой.

Собиравшиеся в ротонда домоичи и барышники, торговые с базаров, домолвадальши и протбо босские, болоталы, тодстоматные и желтые худые, спившиесе, читали или едущали разброжанные по столым гатети, галаччи обложко, значечный бозабешковей «Листок» газетку местных чпчюсостенере, печатавшюую здесь же в подвале.

В Листке больше писалось о жидях и живодствующих либералах, об основанах и обожамом августейшем, но все это читал ни слышал, знали незыбемо, крепко было и знало вло было; и читалось бы тут...

В войку «ротонда» захлрела, картини шли только раз или два в неделю, да и то летом, зимой же

...при виде тирецин он остановился и изобретательно сжимал губы...

В ГОРОДСКОМ саду стоа была красивая круглая дом с коричневой крышей. Если смотреть на него с угла Бульварной улицы, там, где бульвар вылезался высоко в гору, — дом был похож на башню, очень круглой и очень поджарый.

Дом этот стоа в конце длинного сада и назывался:

«Ротонда Городского Сада».

Был саа летом чашный, пыльный, гудел летинни дурными вечерами разуданным париван из галухах перелюди, охрани, — с Нахаловни и Собачьего хутора, — согранным скола несоблюдителю на людях, среди всех в доску* горлопано, закружиться колесом, пропить, пропеть, проорать дивную пустоту и скуку.

В саду часто были драки — пьяные, смертные, и тогда металась здесь полицейские на тодстоадыных ковах, стегали с размаза нагайками, перья ашювавшими гурдами вбустующих халловцев и сукотоя.

«Ротонда» была построена года за три до германской войны союзом русского народа Над железной широкой лестницей, меж двумя белями конованым на большой вывеске стоаю:

«Электро Бюгваф».

Самый дешёвый в городе, и на окраине вину бул протянуто красно-сине-белое знамя с черными двуглавыми орлами в желтых квадратах по углам. Над экраном же было написано огромно:

Бюже. Цити храни

И вкисли поргеты шар, шарцы и шарского сыва в матросском кюлке.

На экране бегали, прыгали, метались, перепорачивали все на своем пути, толкотелый Гулаушкини.

Котынки шли страмы и испривания, часто рывались, и тогда пропалхивш големскими душными исприваниями задула мелкими мальшеш-

стоаля «ротонда» запертои не мертво, как мертвым был и замаскиривший пустой сив.

В Февральскую революцию «ротонду» авла большевистский комитет. Ютились он в первые дни гдето-то в городе, на частной квартире, потом переросся, развизрился, и «ротонда», заглялся тускло радом, полуокрутил окни.

Не было уже больше кинематографа, и вывеску «Электро Бюгваф» сорвали и бросили в погреб, и головной вини ривнулся с экран шар, шарцы и престоаляскадик в матросском котюлке.

В фойе и смежных комнатах бегали обозначенные, мечью топилисье люди, спорили, кричали, возмывались, бегали с гравиван по вышней лестнице вниз и оттуда же тащили равным утром кипы толстой всяких цетов бумаги, — цета борао рюжой, белую, пльнушую сив свежо красным. Здесь же се разбирали мальшичи-гдетнички, и первые судие люди, на лицах которых машинный патлапатчанская труа отчертела жестокую ненависть и решимость.

И вечера, и ночи горела тусклым огнем малые окна.

В средние лета и после встали сюда молодеватые юшчи в студаческих и гимназических шинелях с белой повязкой на руке и вытовками за плечами.

Перепорачивая все вкверх дном и вместе с ним в вессом колесе утолдил откоса угрюмыми обитатели «ротонды», на извощоком же гузралу пачки книг, гатестие книги.

Через несколько дней опять бегали сюда мальшичи за газетами и дрались в очереди.

К концу лета ступайл оидейный человек, белокурый, с зубами, выдвигавшимися при смехе далеко вперед — всякая ночью, а утром наша его положенным на сканьку сплоским тем сплюк-

ствием, какое бывает только раз в человеческой жизни.

Обозначенные смуглые люди мало изменились в лице, когда носил его в «ротону». Разве жесткие и сросшиеся стволы и без того жесткие, сосудотенные лицо да, пожалуй, руки чищеже. В руках могло быть сталь, так что их трудно резать. Это юнга в красном гробу, с красными в черными досками на древках, носил октасто-го октаста на ошейнике..

Так было по осени..

Осенью, густой осенней ночью, через сад прогрохотал дая брысина, и, разойдясь чур, с двух ступен рванула ночь глумя пулеметным треском. Чуть не до расцвела в лопочивших стеклах горели жесткие отсветы мелиорации и брызговья отлив. А под утор слышно было, как га-то за голодом тяжело и придушено было оружан, и искрами непрерывно сыпались ружьиные и пулеметные стукни.

Под утор же через сад бежали коверга и с винтовками на пересев ворвались в «ротону». В «ротоне» было пять человек джурьяна—крестьян, узкоглазый саратовец, в защитном френче и ангайский кеши, с бритой широкострой головой, сторож-старшина, высокий женщина в желтом пальто и два солдата. В «ротонце» все и осталось.

Женщина дежала грузую на столе, змянув вперед руки, и на этом же столе лежала одиноко черной маленькая «бульон».

Сторож придал на боч, высоко взвернул ключ коловую бороду, с низким несоумевшим взгляд на дверь; тут же недалеко дежала и солдаты, один поше другое, но-братски, и один из них остроносый с простреленным лбом похолодил ладье руки другому под спину, будто в смерти пачесть обитаве.

А за разбитым расплещенным плинано у самого экрана валялся дежурный. Мертвое его лицо уродливо тнулось в пла. Он жил больше всех, и потому лицо его было разорвано, бритая голова разбухла, рука вытнута.

Воле же вальчас черные обшвы и медные гальчи. И звери и стемы были вышерелены джурян, пол в ладе был покрыт густым слоем меда и шугатурки.

Как пролежал он весь день, а ночью подкал «ротонце» грузино, и даже стянчики брали их за ноги и за руки и, раскавав, бросали в машину. Только женщина бросила неуважно упиралась головой об обитый железом край и, трупца упала на землю. Тогда один солдат погнав ее за руки и перекавал легко в машину. «Ротону» же несколько дней ломали коверга и казак. Выламывали рамы и дери, рвали бумагу, газету, срывали со стен портреты. Были они паче шаровой волей из вломанных перегород и местию.

И тогда надоело, на годы заколотивших «ротона», чтобы два года видеть, как в саду публическ с проститутками дроздовы и шкурники, пока нечто оживили и посылались дальний пушечный гул, не потгнувшись мимо по Буларной последние обобы, чтобы в оло январское утро увидеть конных с красивыми флажками на пиках.

ПРОТОКОЛ

заседания Общегородского Комитета РЛКСМ от 16/IX 1924 года.

Присутствующие: Кавкирян, Струховая, Рыков, Давыдов..

Слушала: Постановили:

Доклад Кавкиряна о ремonte «ротонны» уложить необходимым отреставрировать к пятидесяти годовщине городской организации.

Наблюдение и организацию поручить т. Кавкирину.

ЯШКА ходил по «ротонце» один, хозяйственно оглаживая забитое досками окно, шугал подоконники, стучал каблучками пол, выхлал, кривою часам шекки и сквям.

Яшка лодил: череп брызг срослись, и в галат сажа. В детстве еще, альгим, резко вспоминаемом, дражная Яшку за черноту его глаз трупобитом. И верно, ло самых глаз был Яшка черен, закопчен у Кагановича в сепарисных мастерских.

Двадцатый год встретил Яшку комсомолом и шагами в солончатых, в дорогах, холодом и гудом олуий в Сивиче.

«Дашке же Яшка вернулся, как многие как тысячи Яшек, вернулся протреставляю, во креп-

кий. Когда ухлами, золотился пухом на щеках, вернулся же жестко-шеинистым. Не горел уже, а считал, укладывая мысли в мозг рждами, одно к одному перекадывая из тоастных кнц цифры и слова и вбивая их в лозитую голову наискрво. Э-о иважались рифмак.

И был рифмак уже позан.

И вот Яшка шлоа в гуле голосов звоыкич, в работе и в мыслах о работе.

Выбрался он на хори, покая костяшками пальце по стукму джурку, и при виде-трешаи, дыр-ни когда под его руками начинали трешаи барьеры и обсыпаться трупой, шугатуркой, он оставивался и зажимал недовольно губы.

Так перекавал он за день «ротону» от подвала сырада и запачкавших до потолка, искаженного и перерубто.

Потом вышел на улицу, осмотрел до спяружи, закурил, и попыло в клубках дымных сквозь зубы задучиво брошенное:

— Дашка!

ЧЕРЕЗ УТРО потонуались к «ротонце» дроги с досками..

Яшка стоял уже на лестнице и курил. Тут же, в коридорах, стояли платники, камешники и маляры.

Яшка стоял спокойно и сурово, вернее, делал суровое лицо.

Все утро по коридорам ходили за ним артельщики и в боруду, стесненно, торговались. Яшка притворился равнодушным и, изваяв цену, молчал и саушал. В конце концов артельщики промывались к нему уважением.

Сначала к нему, лозитому, молоскоусо, относился один сымоса и заломил шеву чуть не втрое против того, что в результате двух ночей черфери уложился в Яшкином облооте.

А очинилось тем, что рыжий, лещушый мужик взяв Яшку дашину ладань, уложил в свою четырехугольную терракочую и лопнул с размаха.

— Ист,—сказал мужик,—на твое пуская, молодца.. дашкич ты, валяжи бо!

— Лаано, давно бы так,—бросил Яшка серьезно, хотя внутри подкашив что то довольное.

Поташаи доскы, уставши козлы, застрогали заместаи серебряный и ластяи рубьяи, заступали, авались в адревинное тело, гводе..

Яшка ходил по «ротонце», смитрса, соображал, присидывал.

Так потонули дни в стухах, в бедоте, и день за днем «ротонда» свстала, зинала зшт-пками и сваяе-алечивными рамми и казалась себе более разрушенной и исцалечивной, чем в дни пуготы т ласени.

Израдка по «ротонде» ходила ребята в кожнях и лещушки с портфелими. Эти приносили с собой звон и гул-резз молодых и крепких голосов.

Яшка встречал их довольно и строго, воидя их по коматам, таская и подвал и на хори, все шугула, показывая, деваство располкучива, гас

бузот-факулутурники и гле драматуржки, говора о процентном, площадке, шенташаи. Но ребята саушали палю и он серкался.

Когда же вкатывались носы ребята, Яшка забывал «проше» и опять показывал, шугал, объяснял и вновь зинал.

САМОГО начала работы Яшку грызли ровные цифровые столбики—они день ото дня пухли и вкатылаво—дастны уже исписались перечерченными и новыми цифрами, от которых у Яшки дохматились отчаяно голова и карандаши тремались им зло, насквозь, так, что потом от маляб-шого нажима ломались... Так цифры пухли и росли до тех пор, пока его выкладыли треснуая, уоуая в потоках гвоых цнц.

В райком вечером Яшка разложил бумагу новых цифр, блок-отт исписанная, исчернуый желта.

— Ребята,—сказал Яшка,—выходит же то, денег, ребята, нуво!

И говора о потоках, о процентном, о кредит.

— Выход вот: маляров к черту, сами покраши,—и он зло вычернула зиданую пухаую цифру,—пола покраши сами — И еще вычеркнвалась коротконога с жулами цифра.

И Яшка стучал по малябной, тоненькой книжжоне, на которой стоял бифаготечный штемель:—«Руконотом по окраске полов».—Каждый сам себе хозяин».

И под конец на белом листе бумаги уместился новый ряд цифр.

В ПЕРВОЕ же воскресенье «ротонда» палилась шшмом, шагами и готгом.

Маленькая вертящая Татьяна Зоркина ковила-дова девчатики. Ребята в залагах мешкоты таскали стружи, тазовали краску, девчата мыли скамки, поклонышки, перья..

Яшка метался по комнатам.

— Ребята, открывай же!

— Стрелом..

— Валя, не мешай..

Уже начал красить с угла. Ровно и жестко ложилась краска. И когда легили первые полосы, Яшка успоковался.

— Дешо буает!

И ушли из комнаты, не унимавшись до последней поры, цифры.

Приводил райкомовцы с портфелями, и Сенка Старостин общеродской пот, стержняи и у хуод, для рук и головы продрямаяи мешок, чучелом овра черз за:

— Креси у шра ва гор рае

Пр-рест-ривата плазич!

И, размазав густую краску по полу, кричал:

— Раздавайся, ребя, засучивайся!

Яшка красил хори, селье крепкие доски обмывал, молчал, или резко бросал вни:

— Отшнаясь, зарыгаки!

— Идет,—сказал мужик,—воилкач ты, накажи бо!..

— Ребята, — сказала Яшка, — денег, ребята, нужно...

красить помп — раз, положонки, рамы— два... А записе, а...

— Заванея с делюю,— сказала Татьяна, кутая нос в воротник.— Заванея обязательно сделаю, это ерунда.

Яшка посмотрел на вес, и от его голоса потянуло теплом, сказать разве что-то,— Яшка зажал руку в пальто, свою руку, и сказал глухо...

— Ладно,— сказал Яшка, — это ты... ладно... а ведь пораставить все нужно, на место чтоб... а думал в первый же день физкультурников, б а б а и о т к у... * *

— Высокло — сказал Яшка, присев на доске, положенной через коридор — и в зале вышло, кохидь мохом.

— Пач-чумк вет... согласился Сенька... а ж тебе явноту рижиму...

— Во-первых, я не рижак, а... во-вторых, вы меня не появили... рижий это не цвет, а качество.

— Ладно, — сказал Яшка.

Сенька Старостин безнаднежно длинный и тонкий, все эти дни безвылазно жила в «ротопад», на правах бугаучего завлабу. Работал он эти дни и ночи столько же руками, сколько языком, работая больше вест. Так что к нему Яшка вместе с почетом проникся ревностью, хотя и сам уходил отсюда перед рассветом, чтобы ранним утром быть снова на месте.

Сегодня вечером открывался клуб.

— Надо убирать доску! Они молча переступали с досок на пол, прошаив, оглядываясь, куда только-что ступали их сапоги.

— Окончательно, и бесповоротно, — сказала Сенька, — мистер Кавкин-ань— фокс-троп. Прому!

Подтапываясь доски к окнам и бросая в сал. И ротолая глядевшая в рассветзлаучию, слушала грохот досок и глукое эхо... — Уке!

Яшка обернулся, обернулся на минуту ребята. — Эге, сказал Яшка, и посмотрел на часы... Пять минут опоздания...

— Только вытираешь глаза Сенька... только! Татьяна... я прекасно... я верю, что проблема жеваний найдет свое разрешение в... — Уке выслокло,— повторила Татьяна... а еще вчера знала... вчера чуть-чуть...

Тогда взяли улавнение... берите молоток и гвоздь, вот лестница, там пакаты... Прощу...

Уже к обеду смотрел раз разным рядом смеясь, а на сцене стоил длинный красный стол. На столе гравин, а на сером сушке за столом красный длинный доскут и важек.

В 5-ую ГОДОВЩИНУ УКРЕПИМ СМЕНЧУК. Яшка, Татьяна стояли на хорах, а со сцены басом гаркнул Сенька...

— Совсет? Как? — Ладно,— крикнула Яшка и посмотрел на Татьяну. Она выдвинулась с бедра, в полустарансе ее не было видно, только золотилась волосо, перелескивали.

И опять, как много раз в последние дни, екнула Яшка пощев сладостью... — И как всегда смал руку в тугую кулак... — Ладно!

Вечером, глядя в зал, в куртки, в режущий баяск глаз, хватая стол и в последия раз надувшись в неясных листьях цифир и бросал их в глаза, в курток, пакаты...

И когда кончили—огрубя цифру, ступила ладонью о стол: — Вот!

И быстро, не оглаживаясь, побегал, сел за серым полотном, спрятавшись от гуако хлопающего зала.

Говорил уже Сенька Старостин, Яшка глядела на него слегка, остановилась на своем degradatione френче и всоминая почему-то Старостина давнего—в синие же френче, в шпелоне.

Представилось: товарный вагон—битник, дребезник, миглет стевариновой твоты свечей, и Сенька Старостин, на колесиках поезда говоу, муражикот, твлет несомчаемо .Атену ша... Сенька говорил о днях первых комсомольских, перабрав работ и говоря о них языком, жестами, ливсанями, и до той горд и аллоидности твляуся к стакану с водой.

И все, что говорил Сенька, было близким и знакомым, Яшка слушала и едва-едва одними глазами улавляла.

Потом также неожиданно оторвался от Сеньки, от Сенькиного голоса, поднялся и вышел.

В комнате рядом ходила ребята с тетрадками рижий Горкин — комсомольский режиссер—объявлял Романские шополот...

— Твое дело раз два... и все... Высочила. Руки вверх! Все.

Отомяла трас барашковой шпалкой свирепе, рожкая назва, потом прыгала, и прудушево кричала: — Руки вверх!...

Тогда ввел за ним прыгал и Горкин и, обрещаясь к стене, тихо и значительно докичивала — господии повилики... Ваши карты биты...

Яшка постояла с минутой и вышпочек вышла... В фойе явственно слышался Сеньки рожочущий бас; Яшка обогрела по фойе, толкаясь в ласву, на которой стояло:

— Библиотека. В тешной комнате гурлами лежали книги... — Цо... чмокнула губами Яшка и мудро подумала

— Не успеши... библиотеку бы и физкультурную комнату отделать и все... это называется открыт...

И въздохнул. Воздохнул, вышел, запер за собой дверь, прошелся по фойе еще раз, пощупала ногой краску, оглядел недозволено мокрые следы.

— Навосия... влух сказал Яшка,— чтобы ноги вытирали... Приторкыр чуть дверь в зал—Сенька, выпитый гурда, два пальца за борг, другой рукой описывая путь в воздухе, попережнуе кричал в зал...

Осторожно закрыл дверь.

Слы, — раставила широко ноги, подумала...

— Что бы еще сотворить... Но делать было нечего, и широкие шагими побрел наверх, в физкультурную.

Там стоял поумрак.

Вот еще лампочек явало...

Павилрсу в зубы... Поощел к окну. За окном тешные контуры изворослых обледенелых кустов и тере, серное, явное небо.

И пока стоял, от неконсансных ночей поплывали поплывали контуры и звенулось салуко... Он подошел к коври. Ковер пухлый, большой, лежал свернутым в углу... Сса... Потом иршил чуть,—мигнули в глазах нестро пакаты, куртки, Сенькин синий френч и мокрые следы от сапог...

Яшка побрел пальцы по полу, лотер висок и поджал под себя ноги для теплоты...

В комнату прорывались перекатами плешущий гул, пенье и гомон, но в комнате попережнуе стоял ровный и неподвижно поумрак и своя тишина...

В углу на ковре, свернувшись клубком, спала Яшка, а на окне, на гладком годоковнике, лежала раскрытый блок-нот, весь в перечеркнутых цифрах, и корбика салечк.

Потом неожиданно саста вниз, вырвалась в куртку ребет. — Бузят пришли... Это же чорт!.

Ребета смывались мигом—к лопатам, к металам, ашчала, тороми, к вездрам тустой краски. Веса дема таргастей «ротопад» и, хотя десть стопа пасмурной и холодной, сал гороской ожаи. Прозвала пугаста ства смехом, ваго твечк и девчаныи вскрикнул.

Девчата больше пугались, заливались тонко, и Татьяна металась меж ними, кричала, пымжалась, сдвигая шафры и столы.

Рывался даже к ребетам, хватала тяжелую кисть, макала к краску и, расслезная по полу жеваныи огромными клаяксы жижу, растравала се, нагриваясь для этого руками и сердцем, двумя запятыми бровей.

Потом подошла Сенька, презрительно оглядывая кусок пола, на котором бугорами пызурилась краска, и, на слова не сказав, отодвигала се, брал за руки, разжимал впишующую в кисть ладонь и, крикс, сглаживала полосы.

— Сама завью,—кипятила Татьяна, и лезла на Сеньку.

Тогда Сенька раставляла ноги, усмехалась и говоря разведало, басом: — Что ты звешис... и добавлял:

... .. пгалажики!... — Осел!

Это было все, чем она распонгала, и она встала чего-то, чем можно было узнать, в она встала ничего нового и выпалавала — ... поэтичексий.

И пугая легела к аверии, к девчатам, в гомон, звеня, хватаясь за все руками, тудюнищем, тачкой, тоубала, тарпашая в илржонийи талаа... — Вечером прорывала Таньку Зорькуну Яшка на Собачий хутор,—столько же сй, сколько себе говорил:

Понимашь... заплюбок много, я на этом клубе спотыкаюсь, спотыкаюсь, чорт явет... И движтася... Слабо что-то, а вот увидиши, сделатя можно и обязательно сделася... Ты понимашь, вот эта красна—плевое дело, а сегодня зла ве кончили... а открыть умру... явдо. Две недели—два одня воскресися... Ну, Сенька придет—ладно. Колька Дегалов, Микша Строчина... нужно по-

Подписались ли вы на „СМЕНУ“?	
1 год	4 р. 10 к.
6 мес.	2 20
3 	1 15
1 	40

Страница стихов

СУД ЛИНЧА

Листья вздрагивали мягкой дрожью,
Мелкий дождь топорицался в алах.
Ночь была такой же чернойкожей,
Как и тот, которого вешал.

Он шагал по жестким травмам прерия
И поблескивавшие зрачки
С тем же жутким ужасом смотрели,
Как на бойле овцы и быки.

Только смех и никому не горе,
А ему сегодня суждено
Умереть за то лишь, что он черен,
Черен, как сегодняшняя ночь.

Что же, с хрустом разламуют череп,
И теплей, чем ласка матерей,
Ляжет кровь его на травы прерия,
На сухие травы и репей.

Кожу длинной полосой срежут,
В жгут сохнут и кровавым жгутом
Будут бить, быстрее нан реже,
И с остервенением потом.

Хрустят хворост, и взвояется браво
Ухарски закруженный огонь.
И в огонь полагат групп кровавый
С трижды переломанной ногой.

И от крови мокрые рубахи,
И от смеха грохот, да какой,
Разве жалко дохнувшей собаки,
Да еще потрепанной такой?

Что же, снова разоваться можно,
Пить вино, ругаться, целовать,
И для смеха новых чернокожих
Чернокожей ночью убивать.

ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Как домике пальцы невидимых рук
Они трепетали и, в звуках раставши,
Они выражали и боль, и испуг,
Большие и тонкие, крупные вляшши.

Зал слушал, как слушают птиц перелет
В осеннее утро, не видя парения,
И сердце не выдержало, и вперед
У каждого горлом злынуло гонение.

Рос марш, и разметывался в вышину
И там становилась угрозой и мещине,
И легкая дрожь посетила одну
Из самых хороших и любящих женщин.

И как электричество по проводам,
Вдруг перебежало по залу волнение,
И зал поднялся, задрожал, зарыдал,
И перемешался и слезы, и пенение.

Сладкая улыбка и морщица лоб
И, под впечатлением горькой потери,
Мы вышли; мы вынесли песню, как гроб,
В огромные, тусклые, змуреые двери.

И ночь подхватывала рыдающий гуд,
Смешала со снегом и воем метели,
И в эту метель ни один не услышал
На сытой, горячей от горя постои.

БАЛЛАДА

Рассвет карабкался в окно,
Пряляя к решеткам рам,
Потом расплозся по стенам
Промозглым, как озноб.

С крипением слянулся засов
И под удар часов
В аперт
Жиздармы и отряд,
Отряд солдат.

Снова ударились о сталь
Застывшей тишиной.
Снова приказ.
Арестант...
Вы приговорены!

Я аштался у стены,
Я запахнул халат.
Мы вышли. Даь была белая,
Снег лип, как мех на всех.

И яма вырыта была;
Во рву и в яме снег.
Дрожит от холода рука
И синевой блещат
Четыре матовых курка
У четырех солдат.

Узлом повизна. Тьма у глаз.
Выползос приказ.
Пряток и пыль от пуль.

И вот—сухой ожог виска,
Кровь по глазам и на щеках,
И еле слышно, как слегка
Мой умирает пузь.

Он бьется тише, он затих,
И не считается кровью
На камень мерзлых мостовых
В обледенелый ров.

Я брошен в ров и по ялцу
Бьет смирившись песок
И вырастет буторок
Последний—мертвецу.

Но трудно, трудно не дышать,
Лезуть, как снег лежат.
Рванулся я.

И я опять
В тюрьме, проснулся, жив.
Все было сном.
За нитью нить.
Рассвет праядет у рам.

Какое счастье—снова жить!
Но нынче утром ровно в пять
Меня должны казнить опять
И на яву казнить.

И повторится сон в тюрьме
Сначала, снова, здесь,
И на яву вторую смерть
Я дажже пережить.

Всклопоченные волоса...
Рассвет... Кровать... Тюрьма...
О, дорогие полчаса.
И я схожу с ума.

Перегнувшись во седла,
Спорил с говором ведр:
— Слушай, слушай, будь добра,
Лей ты воду до двора.

Перегнувши коромысло,
Ты опять к колодезю вышла,
Ты опять молодцу пела:
— Для тебя и молодила.

Спрыгнула, молвила:— Это дело.
Стало говор далам слышно,
И потупился не глядела,
Чтобы с глаз чего не вышло.

Только голос воркотал,
Только коник топотал,
Только слышно было там?
— Ночевать бы... да куда?..

Ах, была кругом беда,
Как была я молода,
Как была сама пригожа,
Для презжих, для прохожих.
Разлились водой года,

До колодца нет следа:
И колодец обонел,
И покосный опешел,—
Ходит он с класкою давненько,
А от девки—деревишка...

Дмитрий Петровский.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

На лесной опушке шишка
Оснапется,
Под очиною мальчишка
Проснапется.

Он поводит круглым оком
На коня:
— Конь забрел видно далеко
От меня.

Почесал под шапкой кудри:
— Надо встать,
Уж займется скоро утро
Дам ося.

Только шаг ступил молодчик
От костра.
За кустом-го как привскочит:
Прямо страх.

— Жаль будить тебя мне было
Храпуна,
Дураку отцом кобыла
Далена.

— Я уж с'едил и вернулся,
Ты все спишь...
Минутенко обернулся:
Просто—мышь...

НИКОЛАЙ ДЕМЕТЬЕВ

Дмитрий Петровский.

НА БАРРИКАДАХ САМОДЕРЖАВИЯ

(ДЕКАБРЬ ПЯТОГО ГОДА)

Ю. БОЧАРОВ, снимки по материалам МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ СССР

ВСЕ РАЗВИТИЕ русской революции с неизбежностью толкало к вооруженному решающему бою между царским правительством и авангардом классовой сознательного пролетариата.

В таких словах Ленин подводил итог событиям, развернувшимся на протяжении одиннадцати месяцев пятого года.

Летом — баррикады на улицах Лодзи, летом — грозой гул орудий «Потемкина»... В октябре — воспламененные рабочие массы, рвущиеся на штурм самодержавия... Кронштадтские матросы, схватившиеся за оружие... В ноябре — грохот выстрелов на севастопольском рейде, трагедия матросов-черноморцев, в темной ночи — пылающий факел «Очакова» над черными водами бухты...

Это ступени, по которым выше и выше восходила революция, чтобы еще раз — последний раз попытаться схватить самодержавие за горло, в мертвой хватке свалить его, распотать, или же... истечь кровью самой.

Нужно было заострять в меньшем непонимании событий, нужно было проглотить их гудящий бег, чтобы над трупами пресненских дружинников вместе с Плехановым навставительно продекламировать позорную надгробную речь: «не надо было браться за оружие»...

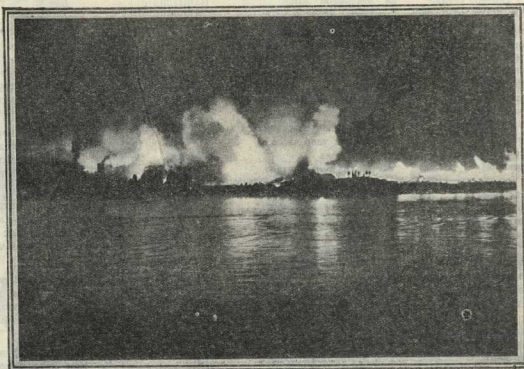
Кто говорил это, тот не понимал главного, основного в развитии революции —

Неизбежность вооруженного сопротивления.

Железная логика исторических событий подводила к нему вплотную.

Поводов могло найтись много. В после октябрьской последней новости черносотенного разгуда и правительственных издевательств над страной поводья могли возникнуть каждый день.

Полицеймейстер, который в пятом часу дня 316го декабря 1905 года явился в заседание Исполкома Петербургского Совета Рабочих Депутатов, чтобы арестовать его членов, конечно, не думал, что его действия, действия сравнительно маленького полицейского чиновника, вызовут через несколько дней баррикады на московских улицах, треск револьверных и ружейных выстрелов, гудящий гул орудий, пламень пожаров... После разгрома Совета обескураженный петербургский пролетариат начал забастовку и оборвал ее... Загласил Москва.

Известия Московского Совета рабочих депутатов.

№ 5 11 декабря 1905 года. № 5

Московский Совет Рабочих Депутатов Комитет и Группа Рабочей Социальной-Демократической Рабочей Партии и Комитет Партии Социалистов-Революционеров ПУБЛИКУЮТ объявить в Москве (только в среду, 12 декабря с 12 час. до окончания пятичасового стачки и отмены ее) первыми по вооруженному восстанию.

(Small text block containing publication details and contact information for the newspaper.)

ВВЕРХУ — Пожар на Красной Пресне, декабрь 1905 года.

ВНИЗУ — ИЗВЕСТИЯ МОСКОВСКОГО СОВЕТА со знаменитым постановлением о вооруженном восстании.

2

ПЯТЫЙ ГОД В МОСКВЕ протекал не менее бурно, чем в других городах.

Забастовка московских пролетариев была ответом на 9-ое Января... По стране перекатывалась волна террористических актов — Москву потряс взрыв бомбы, брошенной Калыевыми. Она стоила жизни царскому дядюшке, генерал-губернатору Москвы, Сергею Александровичу... Всероссийская октябрьская забастовка оставила жизнь страны — из Москвы она шла по России. Октябрьские похороны убитого черносотенцем старого работника социал-демократии Баумана собрали здесь двести сотых стачную толпу. Волнения захватывали войска — волновались московские грендеры, волновались саперы... Всед за Петербургом в других промышленных центрах начали возникать Советы — такой Совет родился и в Москве...

Удивительно ли после того, что, когда пришло время завязать узел событий, — сделать это мог московский пролетариат,

революционный по духу, сохранивший еще сажими свои силы...

3.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ Депутатов возглавив собою рабочие массы, призвал их на вооруженную борьбу.

Совет был создан здесь в противовес тому мелкобуржуазному «Стачечному Комитету», который после 17-го октября призвал московских рабочих к прекращению стачки и посылал низкопоклонническую телеграмму Витте).

Фактическое руководство Советом было в руках большевиков. Через Совет они уже приготавливали массы к вооруженному восстанию.

4/17-го декабря в Москве стало известно о расправе царского правительства с петербургским Советом Московский Совет откликнется на это постановление: московские рабочие должны быть готовы в каждый данный момент ко всеобщей политической забастовке и вооруженному восстанию.

На другой день идут обще-городские конференции большевиков и меньшевиков. Представители фабрик и заводов заявляют с трибуны:

1) Председатель совета министров.

«ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ГЕН. ГУБ. ДУБА СОВА 17 ДЕКАБРЯ ВСЕ СТИХО — фабрикант Жиро украсил этой надписью остаток орудийного снаряда из числа выпущенных по Пресне... в память «московской революции»».

В. ВЛАДИМИРОВ

НА БАРИКАДАХ (Музей Революции СССР)

— У нас на заводе рабочие давно уже наковали себе пик и кинжалов...

— У нас все говорят, что выступают сами, если Совет и партия будут молчать...

Со вниманием выслушивают доклад военного организатора. Он не уверен, что войска перейдут на сторону восставших, но он убежден, что стрелять в рабочих не станут.

Голосуют за забастовку и восстание. 6/19 декабря в Совете принято такое же решение. Исполком Совета публикует:

«Московский Совет Рабочих Депутатов, Комитет и группа РС-ДРП и Комитет Партии Социалистов-Революционеров постановили объявить в Москве со среды, 7-го декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Конференция представителей 23 железных дорог постановляет в то же время, совместно с центральным бюро Всероссийского желе-нодорожного союза, объявить с 7 го числа всеобщую железнодорожную забастовку.

Москва накануне решительных боев.

4
ЧЕРЕЗ ЗАБАСТОВКУ к восстанию развиваются события в ближайшие же дни.

С КАЖДЫМ ЧАСОМ ПАДАЕТ ПРЕСТИЖ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ — [картинаюра из английского журнала, 1905 г.]

В 12 часов 7/20 декабря с окраин несутся фабричные гудки. Одно за другим предприятия останавливаются. В тот же день и на другой прекращается движение на железных дорогах. Не удается вовлечь в забастовку только Никольское шоссе. Катастрофическая неудача: по ней через неделю приходит поражение.

Газет нет. Появляется вместо них первый номер «Известий Совета Р. Д.» Казаки, драгуны уже начинают разгонять толпы, обстреливают их.

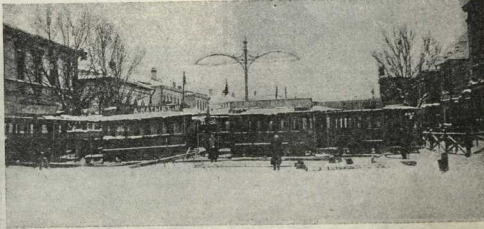
«Коалиционный Совет дружин» — дружины, единственная пока вооруженная армия революции в Москве — призывает к разоружению полицейских.

9/22 декабря первая баррикада перекрывает Тверскую улицу между Пименовским переулком и Старыми Триумфальными воротами. За нею следом двигаются другие. Полиция, войска разрушают их, — они восстанавливаются, появляются новые.

Начинаются баррикадные бои. Преимущественно центр, частично окраины покрыты сенью баррикад. Бочки, доски, заборы и решетки, телеграфные столбы, вагоны копки — все свалено в кучи. Обыватели помогают подливать столбы, дети ташат листы ржавого железа. Население помогает строить баррикады, дружинники — защищают их.

Дружин порядочки: «Вольная», «Кавказская», «Типографская», «Университетская». Дружинников не так-то много. Вряд ли их можно было насчитать больше полутора тысяч. Вооружение — маузеры, парабеллюмы и невнятные «булдоги»... Несколько десятков винтовок на весь город и — охотничьи прекрасные новенькие легские ружья из оружейного магазина... Несколько ручных гранат... Случилось — через два-три дня — позорное для царских дружин и артиллеристов дело: дружинники отбили у них трехдюймовое орудие. Этого больше всего боялся новый генерал-губернатор Москвы адмирал Дубасов: он мог бы считать свое дело проигранным, раз только у восставших оказалась бы артиллерия. Дружинники могли меткими выстрелами из винчестеров снискать отдельных полицейских, с «булдогом» в руке геройски защищать баррикаду, но справляться с орудием они не умели. Казаки легко отбавили это орудие у них назад, вернее, дружинники бросили его сами.

«Эта тактика, — писал Ленин, — была тактикой партизанской войны».

ДЕКАБРЬ В МОСКВЕ: типография Сатина после пожара (слева). Справа — баррикады из вагонов на Довоузковской улице, декабрь 1905 года

БОРЬБА И 1905

СЛЕВА: ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ У ТРОИЦКОГО МОСТА — расстрел царскими войсками рабочей демонстрации.

СПРАВА: ПОБЕДА 9-го ЯНВАРЯ — Передайте всех этих бездельников японцам. — А как же быть с детьми, государи. (Из французского журнала 1905 г.).

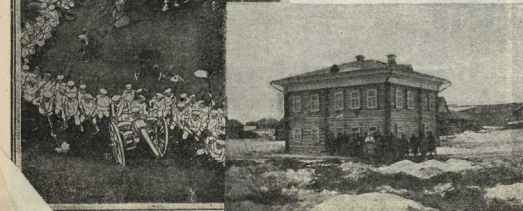
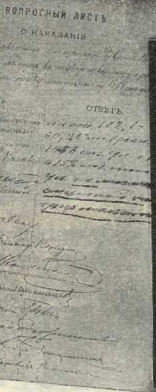
НИЖЕ ПОСРЕДИНЕ: К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ — золотой лист о наказании Калезу, покрытый подписями членов суда. Калеза бомбой убил московского генерала-губернатора великого князя Сергея Александровича.

ВНИЗУ: НИКОЛАЙ ТАНЦУЕТ ПОД МУЗЫКУ ПЕБЕДНОСЦЕВА — современная карикатура. Она и другая на стр. 13, Николай и Витте — показывают, как менялась политика правительства в зависимости от советов царя.

ЖЕРТВА АНТИСЕМИТИЗМА — молодой еврей, которому антисемит — доктор расклеившим желтым вывесит на висок слово — «вор» в трех языках, только за то, что этот юноша украл в его саду оливо яблоко. Это произошло в Бесостке в 1906 году. Фактами местного гонения евреев полна вся история годов реакции.

ВНИЗУ: ЦАРЬ ГУЛЯЕТ — немецкая карикатура, удачно передающая настроение русского самодержавия в 1900 годах.

В ВЕРХУ: ВОССТАНИЕ В ХАРЬКОВЕ — склад земледельческих машин Гельферх-Саде после обстрела его 12 октября 1905 г. Рабочие, укрепившись там, были принуждены к сдаче только артиллерийским огнем.

СЛЕВА: ДОМ-КОММУНА В ОБДОРСКЕ, — где жили сославные члены Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Совет работал в течение пятидесяти дней: 13 октября заседало учредительное собрание Совета; 3 декабря заседание Совета было прервано правительственными войсками. Он представлял 47 фабрик и заводов, 34 мастерские 16 профсоюзов.

Классовый социализм

Пролетарий

Можно ли

В

СОЦИАЛИ

Что такое социализм

что-либо подобное

РАСПРАВА

1906

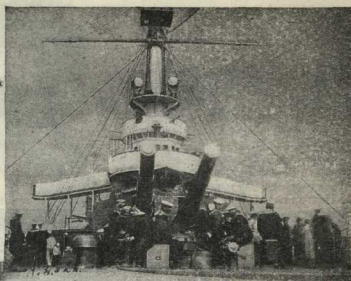
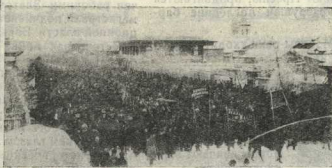
СПРАВА: Черноморский броненосец „Потемкин-Таврический“, восставший против самодержавия 14 июня 1905 г.

ВНИЗУ: Портрет матроса Матюшенко, руководителя восстания на „Потемкине“.

В СЕРЕДИНЕ: АРЕСТАНТСКИЙ ОБЕД - порция заключенного в одиночке Шлиссельбургской крепости. Снимок также хорошо показывает толщину двери камеры.

СЛЕВА В СЕРЕДИНЕ: ЖЕРТВЫ ЕВРЕЙСКОГО ПОГРОМА в Одессе 18-22 октября 1905 г. В течение этого года по всей России прошла волна погромов, организованных правительством.

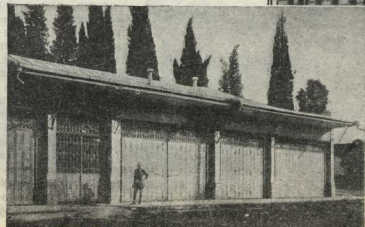
ВНИЗУ: НИКОЛАЙ ТАНЦУЕТ ПОД МУЗЫКУ ВИТЕ — немецкая карикатура 1905 г. (см. стр. 12).

МАТЕРИАЛЫ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ СССР

СЛЕВА ВНИЗУ: КРАСНОЯРСКАЯ РЕСПУБЛИКА. 6 - 28 ДЕКАБРЯ 1905 г. — вооруженная демонстрация солдат и рабочих 9 декабря. Ветеран Сибирская магистраль была в руках забастовщиков.

ВНИЗУ В СЕРЕДИНЕ: ОБРАЗЕЦ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВИ — такого рода книжки широко распространялись черносотенным духовенством. Церковь всегда была опорой монархии и усилению навязывала веру в божественное происхождение царской власти.

ВВЕРХУ: ПЕРВАЯ ЦЕЛЬ ДЛЯ ОРУДИЙ ДУБАСОВА — усадьба Фидлера, разгромленная артиллерийским огнем в ночь на 10 декабря 1905 г. (Москва).

СЛЕВА: СОЧИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА — лагерь, в котором содержались обезоруженные царские войска (28 ноября — 4 декабря 1906 г.).

ВЕРНОСТЬ, № 4.

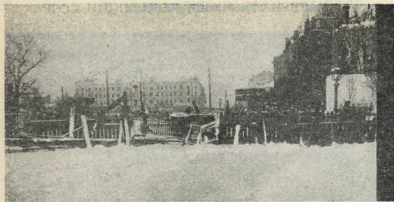
Восторгъ.

христианину
ИСТОМЪ?

и если же не пошла
на христианство?

ВВЕРХУ (в центре) РАССТРЕЛ ЗАПОДОРЕННОГО в сочувствии революционеров — один из снимков, сделанных во время расправы царской охранки над гет. Орлова в Прибалтийском крае.

За два месяца, с 1 декабря 1905 г. по 1 февраля 1906 г. — в Прибалтике было побито 959 человек, подвергнуто телесному наказанию — 251 и сожжено 128 домов. По всей же России за 15 месяцев, — от 9 января 1905 г. до созыва первой Государственной Думы, 17 апреля 1906 г., — по приблизительным подсчетам, царским правительством убито 14.000 чел., извещено более 1000, ранено около 20.000 (из них многие умерли) и, наконец, арестовано, сослано, заточено — 70.000 человек.

Не толпы выступали против правительственных войск на улицах Москвы — партизанские отряды, маленькие группы вооруженных обстреливали противника и отступали. Баррикады „до последней капли крови“ не защищали. Баррикады и не были фортами революции, но только средством воспрепятствовать движению войск.

Вечером 9/22-го же декабря треск ружейной и револьверной перестрелки пререзает оружейный выстрел, первый оружейный выстрел за эти дни. Это Дубасов обстрелял здание реального училища Фидлера (около Чистых Прудов), где собирались дружинники. Через неделю его артиллерия будет грохотать без устали...

На московский гарнизон адмирал способен обмануть не может. Гарнизон также способен обмануть его ожидания, как обманул он надежды тех из восставших, кто переоценил революционное настроение солдатских масс. Дубасов просит Петербург о помощи. Просит раз — другой. Он не может предпринять решительных действий, пока нет надежных войск.

По Николаевской железной дороге Дубасов брошены Петербургские гвардейцы — Семеновский полк. Железнодорожники не нашли средств помешать прибытию усмирителей. Семеновы, ладожцы — в Москве, чтобы развить по следнюю цитадель восстания — рабочую Пресню.

Отрезанный от остального города район Пресня еще сопротивляется, после

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ — работа карательной экспедиции Семеновцев на ст. Голутвино, М.-Каванский ж. д.

ДЕКАБРЬ В МОСКВЕ: остатки сожженного артиллерийского дома на Пресне (справа). Слева — баррикада на Садовой, не подступила к Пресне. ВНИЗУ: ПРЕСНЯ, ДЕКАБРЬ 1905 — около сожженной фабрики Шлидера.

того, как к 15/28 числу большая часть Москвы уже очищена от баррикад.

С раннего утра 17/30 декабря Дубасов ведет наступление на Пресню. Под непрерывным артиллерийским огнем пылают фабрики, горят дома. Кольцом войска сжимают Пресню, продвигаются по улицам, разрушая последние баррикады...

По льду Москвы-реки уходят последние дружинники.

И на том же льду, и во дворе Трехгорной мануфактуры скоро звучат уже залпы расстрелов. Озверевшие семеницы впадают в ужас от этого шума.

Повсюду трупы. Меньше, чем в 50 больницах, зарегистрировано 174 убитых и умерших от ран и 885 раненых. На кладбищах за эти дни олушено в землю 454 убитых и умерших. В числе жертв 139 пострадавших женщин и 97 детей. И все эти цифры все же меньше действительных.

В то же время возвращается в Москву

карательная экспедиция Семеновского полка, посланная по линии Московско-Казанской ж. дор. Ее задачей была расправа с „революционной“ дорогой, по которой подходили к Москве поезда с дружинниками-железнодорожниками. Отправил экспедицию, командир полка, полковник Миш, распорядился: „арестованных не иметь и действовать беспощадно“. И во исполнение этого приказа по пути экспедиции от Москвы до Голутвина остается 150 трупов.

Поражение было очевидным, когда за окончание стачки 19 декабря (1 января) высказались Исполком Совета и большевистский московский комитет РС-ДРП.

5

МЕСЯЦ ВООРУЖЕННЫХ ВОССТАНИЙ. Восстание не ограничилось

Москвой. В Твери рабочие Морозовской мануфактуры, под Нижним сорочками строят баррикады. В Харькове рабочие пытаются укрепиться на заводе Гельферих-Саде, и нужно два десятка оружейных выстрелов, чтобы принудить их сдаться. В дни московского восстания ростовские железнодорожники бьются с казаками в Темерике; в Донбассе в руках шахтеров оказывается ряд станций, и войска могут завладеть Горловкой только после кровопролитного боя. Рабочие становятся фактической властью в Новороссийске. Захватив рабочими Златоуст. Вез сибирская магистраль поднимается толк ко революционной власти. Борьба идет на Кавказе, ожесточенная война в Прибалтийском крае.

Пролетариат терпит поражения разрозненно. Правительство бьет его по частям. Выкинувший знамя восстания и разбитый в борьбе, рабочий класс России теперь обессилен надолго.

Но зорким глазом Ленин видит „величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года“:

— Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень, — говорит он.

И Ленин подводит итоги — уроки московского восстания. „Сжато, отчетливо формулирует он их: необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы, необходимость борьбы за войсковую необходимость наступления и новой тактики восстания.“

Это его заветы рабочему классу, партии, самому себе.

И сам Ленин, и партия большевиков, и российский пролетариат через 12 лет, следуя этим заветам, побеждают.

1825—1925

(К столетнему юбилею декабристов)

С. Я. ШТРАЙХ

1. Восстание 1825 года

ИСТОРИЯ России до 1825 года знает много случаев наследственной перемены правительства, но эти перемены сводились исключительно к свержению одного царя или императора и замене его другим. А новый император или императрица уже подбирали себе новых министров.

Такие дворцовые перевороты, конечно, не влекли за собой перемены государственного строя. Но русский народ всегда пытался освободиться от самовластия царей и их прислужников. Эти попытки выражались до 19-го века в бунтах и восстаниях. Таковы бунты Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, за которыми пошли закрепощенные помещиками крестьяне, поднявшиеся против своих душегубов. Все эти бунты и восстания были неорганизованными, стихийными стремлением освободиться от притеснителей и преимущественно носили характер слепых вспышек, выливавшихся в жестокую месть угнетателям.

Но сто лет тому назад, в декабре 1825 года, произошло первое в России массовое революционное выступление — восстание декабристов.

Будущие декабристы начали свою деятельность задолго до восстания 14 декабря 1825 года, от которого они получили свое название, а самым крупным проявлением роста освободительных идей в России до событий 1825 года было восстание Семеновского гвардейского полка в октябре 1820 года.

Внешним поводом к этому восстанию было жестокое обращение с солдатами полкового командира Шварца, специально назначенного в Семеновский полк, чтобы подтолкнуть его, чтобы выбить из голов его солдат и офицеров волевые мысли. Большинство из семеновских офицеров были членами тайных обществ.

Почти все они участвовали в восстаниях 1815 года. В своих ротах они отменяли телесные наказания солдат, учили их, развивали в них чувство собственного достоинства, будили их сознание. И солдаты-семеновцы были самыми развитыми во всей гвардии, их положению завидовали солдаты других полков. Когда же в их полк назначили Шварца, который физически

КАЗНЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ 13 ИЮЛЯ 1826 ГОДА декабристы. Пестель, Рылов, Бестужев-Рюмин, Муравьев Апостол и Калюковий (вспышка с заглавного листа «Полярной Звезды Герцена»)

РЫЛОВ И КОХЕЛЬБЕКЕР 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА — неизвестный рисунок Пушкина

и нравственно истязал их, ухудшил их материальное положение, — то весь полк восстал.

Правда, семеновцы вышли не с оружием в руках против своих угнетателей, а с протестом на устах, хотя среди них и разбрасывались воззвания, приглашающие свергнуть тиранов — царя и его прихвостней.

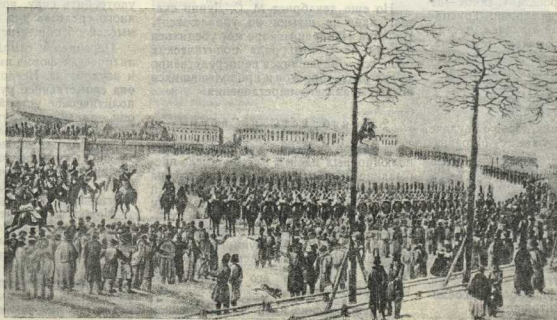
Тем не менее, восстание Семеновского полка сильно возмолвило правительство Александра первого и грозило ему большими осложнениями. Во многих столичных и провинциальных полках возникли волнения, причинившие хлопоты начальству. При этом среди солдат слышны были речи о необходимости замены самодержавия народным правлением.

Правительство жестоко расправилось с восставшими семеновцами: всех офицеров наказали понижением в чинах, нескольких посадили в крепости и разжаловали в солдаты, а солдатам отсчитали на спинах тысячи палок. Многие умерли под этими ударами, остальных послали на Кавказ — в обстановку войны с горцами, полной тяжелых материальных лишений.

Но восстание Семеновского полка не прошло бесследно для развития революционных идей в России. Разосланные в армию офицеры и солдаты разнесли по всей России недовольство существующим строем и выявили тем бродильным началом, на котором выросли восстания 1825 года.

Итак, революционные идеи в русском обществе развивались после войны 1812 года быстро, заговор офицеров углублялся и расширялся. Решено было устроить восстание весной 1826 года, убить царя, так или иначе лишить всю его семью свободы, захватить власть и учредить в России республику.

На севере действовало тогда умеренное по своим социальным и политическим взглядам общество во главе с Рылевым, Трубецким, Оболенским, Н. М. Муравьевым, Пушкиным и др. На юге действовали заговорщики, более революционно-настроенные в политическом отношении и более решительные в своих социальных проектах, во главе с Пестелем Муравьевым - Апостолом, Волконским, Бестужевым - Рю-

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. (С картины Н. Кольмана)

миным и др. Книги примыкали и были еще решительнее в своих революционных стремлениях Соединенные Славяне во главе с братьями Борисовыми, Горбачевским и др.

Восстание и государственный переворот были назначены заговорщиками на весну 1826 года, но нежданная смерть Александра первого в ноябре 1825 года в отдаленном от столицы Таганроге ускорила развязку. Сопало это событие с официальными раскрытием заговора по доносу, после которого как раз в ноябре начались аресты гаварей тайных обществ. Александр знал и раньше о существовании последних, но по разным причинам не хотел принимать решительных мер против них.

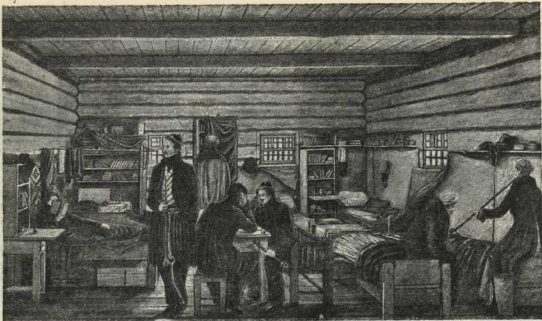
Когда в Петербург пришла весть о смерти царя, — правящие круги растерялись. С одной стороны, было известно, что так называемый законный наследник престола, второй брат умершего императора, цесаревич Константин Павлович, по требованию Александра, года за три до того отказался от своих прав на престол. С другой стороны — следующий по семейному положению семьи Романовых кандидат в цари Николай Павлович не мог занять престол, так как назначение его наследником не было проведено официальным порядком.

Наступило междуцарствие, кончившееся тем, что Николай назначил на 14 декабря новую присягу себе, как императору, в отмену недавней присяги Константину, как наследнику короны.

Северные заговорщики воспользовались создавшимся положением и решили выступить в Петербурге 14 декабря с попыткой захватить власть. Но они действовали очень робко, главное — не решались на пролитие крови. Трусывший вначале Николай осмелев, пустил в ход пушки и рассеял мятежные войска, выведенные заговорщиками — офицерами на площадь. Солдат — кого расстреляли, кого закололи на смерть, кого послали на Кавказ — умерли в сражениях с горцами. Офицеры арестовали.

Южные заговорщики, узнав о неудаче северян, решили во главе с Муравьевым-Апостолом (Пестель был арестован по доносу еще до восстания в Петербурге) идти походом на Киев, Москву и Петербург, чтобы отбить арестованных товарищей и вырвать власть у царя. Недолго был их революционный поход: недалеко от Житомира Муравьева с его восставшими батальонами Черниговского полка разбил отряд «царских войск». С солдатами поступили так же, как в Петербурге, офицеров присоединили к северянам-бунтовщикам.

Николай нарядил над восставшими войсками суд, который был нагло

Камера декабристов в Чите (современный рисунок)

ДОПРОС ДЕКАБРИСТА МУРАВЬЕВА — современный рисунок, сделанный участником суда

насмешкой над справедливостью и беспристрастием. Повесили пятерых заговорщиков (П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, К. Ф. Рыльева, П. Г. Каховского), сослали свыше ста человек в Сибирь и на Кавказ — в каторгу, на поселение и на войну с горцами, наказали еще несколько десятков человек понижением в чинах и увольнением от службы, и стал Николай царствовать в России с помощью кнута и палки.

Но еще декабрист М. С. Лунина сказал: «идеи на штаны не уложатся». Николай Павлович скоро мог убедиться в этом из целого ряда политических процессов, начавшихся непосредственно за делом декабристов и продолжавшихся во все время его царствования.

2. Декабристы в Сибири

Большое значение для развития революционных идей в России имело пребывание декабристов на каторге, откуда шла волна протеста против насилия и гнета, откуда распространялись идеи свободы и народовластия. В этом отношении очень интересна литературная деятельность М. С. Лунина, который пересылал в Россию письма-памфлеты.

Вот запись из его дневника за 1836—1840 годы:

«Политические идеи в постепенном развитии своим имеют три вида. Сперва являются как отвлечение, и гнетятся

в некоторых лолах и книгах; потом становятся народною мыслью и переливаются в разговорах, накопленным чувством, требуют непременно удовлетворения и, встретив сопротивление, разрешаются революциями.

Как человек, я только бедный и слабый; как личность политическая — представитель известного строя, которого легче изгнать, чем опровергнуть.

Бич сарказма так же сечет, как и топор палача.

Вообще права бывают трех родов: политические, гражданские и естественные. Первые не существуют в России, вторые уничтожены произволом, третьи — нарушены рабством*.

Но самые интересные памфлеты Лунина, самые яркие в революционном смысле — это его так наз. письма к сестре. Вот что он сам заявлял о значении этих писем после того, как жандармы предприняли против него поход за эти письма-памфлеты:

«Письма из Сибири, по своему политическому содержанию, обратили на себя внимание правительства. Генерал-губернатор передал мне повеление не писать в течение года. Запрещение излагать свои мнения свидетельствует о важности их и о той робости, которую вообще люди ощущают при первом взгляде на истину, пока не узнают и не полюбят ее.

Нападение разбойник вовсе не наносит бедствия. Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслуживаем. Я был под виселицей и носил кандалы. И что же, разве я тем опозорен? Мои политические противники не того мнения. Они были вынуждены употребить силу, потому что не имели иного средства для опровержения моих мыслей об общественном улучшении.

Перейдем к самодержавию. Эта политическая форма имеет и свои выгоды, и неудобства. Не доказано еще, почему она свойственнее русским, чем другие политические устройства, и всегда ли она одинаково будет ее предпочтательна. Народы, которые нам предшествовали на пути к гражданственности, начали также с самодержавия и кончили тем, что заменили его конституционным правлением, более свойственным развитию их сил и успехам просвещения.

Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые с целью прослушивать мнения, которые мешают ему выразить.

Последнее желание мое в пустынях Сибирских, чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в умах соотечественников*.

О литературном голосе, жареной колбасе, читке произведений на базаре и о культуре Серафима Огурцова

(ПЕРВЫЕ ДНИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

ИВ. РАХИЛЛО, рисунки автора

ГЛОСОД мой оказался в свет, когда я был красноармейцем и проводил дни в одной комнате с талантливым кадетаремом Саушкой Серяда.

Благодаря газетке «Горская Правда» печатала мои очерки из армейской жизни, — никакого гонимого я не получал, да и не думал об этом; наоборот, я готов был заплатить газете все мое жалование.

Но перед отъездом безоговорно редактор Панфилов сказал, что мне следует получать деньги за напечатанное. И я столько получал их, что, завернув разговор в огромный головной платок, оспалось тащился с ним по дороге. Через день состоялось увольнение и я узнал олякующий вкус гонимого.

Через месяц я очутился в Москве и, ясно, — в 3-м Доме Советов, этой сладкой и мучительной пристани идеала.

От сильных упований и беселья я захворал и свалился: кровать приемного покоя Дома — оказалась телодом до гениальности.

Самый острый момент, когда кошмары бредла лезли на корничках по моей горячей голове, а врач безуспешно уже ждал рукой, — я решился писать. Книжки и бумаги мне не давали — было вредно, но карандаши я успел засунуть в напоячку и на кушале, в котором привнесла мне являя винищи, — рано утром, когда не вычищая еще мыть полов и в желтом саду стелая улетаживаю грачи, — я написал смешной рассказ. На обороте напирал адрес и попросил являю опустить послание в почтовый ящик.

... Как-то через неделю я узнал минутку и выскочил в халате на базар: блычичный суиник наодею — хотелось просто жить. Жидот мой склался и затрепетали ноздри, когда я увидел шипящую на сковороде колбасу.

Заплевасивый старик, собирающийся уже завернуть мне в газету заваренный кусок, — остановился от моего радостного чепуха.

— Ногодите, здесь напечатан мой рассказ! Собралась публика и я прочитал на базаре свою вещь вслух.

Наполненный достоинством, я вернулся в платку и решился выплытаться к чертовой матери.

Собралась публика, и прочел на базаре свою вещь...

...Вечером в умчальной мне показали подозрительного типа, с рыжками, как самодельный парик, косымаки. Выгляд у него был исповоротивый и сонный, а спиная выдала известкой.

— Это поэт — Серафим Огурцов. Поэт ленивыми движениями отбирал себе распухшее лицо и, заметив мою пристальность, долго

«Смена» на год
стоит только
4 руб. 10 коп.

Забудывая оказался Безмысленским, и я во все лопатки делал на него...

глядя на меня застывшими глазами, с медлительно-мигающими веками, потом подошел и прошептал:

— Стихи нишешь? Его губы висели низко, и мне казалось, что нижняя из них вот-вот ляжет на грязный башт, смято висевший на шею Огурцова.

Я был настолько ошеломлен неожиданным поворотом знакомства, что ответил с жаром:

— Да, и неважно пишу стихи!

— Ну-ка, скажи.

Ми придалая к полу худую, трясущуюся кровать и я, не зная, как выпутаться из беды, прочитал ему стихотворение Лермонтова.

— Ты себя, — сказала Огурцов, — по чувствуешься. Ты, парень, напиши мне еще ночью три стиха и привнеси нам на группу: мы записали тебя в поэты!

И что-то почувствовал: не то восторг, не то неловость к себе, — во все же выписаться решился и вынулась бродить одиноко по улицам, с целью подыскания вдохновения.

Была снежная московская ночь, а такая погода на меня очень вливет, и я часу ночи задание было выполнено.

Помню, что одно из творений кончалось так:

— Пусть, я дворник
— Так-что-ж?
Налетим ротой,
Целивер сомнен:
Запретим в наши дровни
Вас, оборотов!!!

Целое утро я заучивал их и декламировал полным голосом собравшимся ребятам. Хвалили.

День, будто пенком шеп — на редкость медлительно. Но как только свечерело, я вычислился, свернул написанное в трубочку и помчался на Воздвиженку.

Собирались тогда под самыми небесами, на платом влязе, а маленькой, как яшник, ковигте, где ждали: Жаров, Малахов, Артем Вессель и кажется, Огурцов.

Кроме них, прижался в углу дивана блычид парнишка и молчаливо оларился по сторонам. К нему относился с уважением и все спрашивал, когда он кончит повесть.

— 16-ю главу конечно, — еще четыре осталось, — отвечал невнятно, но важно парнишка.

Это было — Шубин.

Кузнечов показал мне на лестнице свою первую тетрадку стихов — помню, они наодото вставляли в голову след, набожная сочетание повият: свет, ночь, огни, труд и любовь.

Но я совсем скептически отнесся к давнему забудите, выдвинувшемуся в комнату с ребяком на руках. Он послал его мне на плечо и я стал ждать неприятных послеслствий. Мальчишка вертелся, хватал меня за волосы, точно считал меня за кобылу, а себя за кавалериста.

Забудыта глядя на его мучающую голову.

— Вот он какой Безмысленский! Потом, дрожа от волнения, я прочитал стихи. Поизявляя споры.

Некоторые серято замечали, что такими поэтими группу забывать нельзя но за меня заступался Огурцов:

— Он напишет!

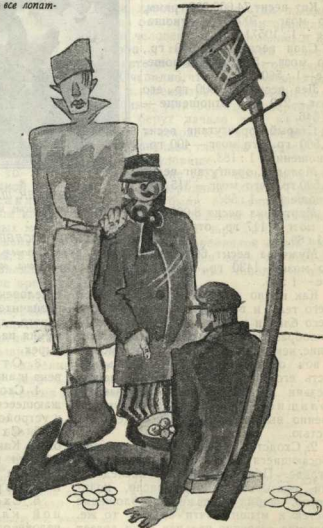
Домой я возвращался глубоко оскорбленный вместе с Огурцовым.

По дороге нам встретился торговец яблоками Огурцов подошел и спросил, ударил на бужку о — Почему яблоки?

И, узнав цену, взял пару в карман, а одно надулся, и сказал торгую:

— Продашь в «Рабочую Газету»... Я там сотрудничаю... Скажи: поэт Серафим Огурцов у меня взял три яблока взад, — они уплатят...

С этих пор я стал писать рассказы.

— Скажи, — поэт Серафим Огурцов у меня взял три яблока взад...

ОТ ОБЕЗЬЯНЫ ЛИ ПРОИЗОШЕЛ ЧЕЛОВЕК?

Доктор В. МУРАЛЕВИЧ

ПОЛВЕКА тому назад, в 1871 г., Чарльз Дарвин писал о происхождении человека следующее: «Обезьяны разветвлялись на две крупных отрасли: обезьяны Нового и Старого Света, а от этого последнего ствола произошел в отдаленную эпоху человек». И еще: «Вероятно, Африка была раньше населена вымершими теперь человекообразными обезьянами, близко родственными горилле и шимпанзе, и так как оба эти вида теперь представляют ближайших родственников человека, то до некоторой степени вероятно, что наши предки жили скорее всего в Африке».

Таким образом, Дарвин определенно предположил, что:

Человек произошел от обезьяны; Ближайшими родственниками человека являются горилла и шимпанзе; Родиной человека является Африка. Задачей дальнейших исследований и было проверить правильность этих предположений.

К каким выводам пришла современная наука? В чем сходство и в чем различие между человеком и человекообразными обезьянами (или антроподами)? Важнейшими чертами сходства являются следующие:

1. Сходство в величине и строении мозга:

Кит весит 74.000 000 грамм, его мозг — 7000 гр., отношение — 1 : 10571.

Слон весит: 3.048 000 гр., его мозг — 5440 гр., отношение — 1 : 560.

Лев весит 119 500 гр., его мозг — 219 гр., отношение — 1 : 546.

Старый орангутанг весит 73.500 гр., его мозг — 400 гр., отношение — 1 : 183.

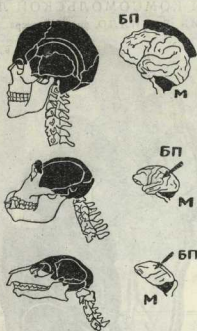
Молодой орангутанг весит 18.590 гр., его мозг — 315 гр., отношение — 1 : 58.

Мартишка весит 8 000 гр., ее мозг — 117 гр., отношение — 1 : 69.

Мужчина весит 66.200 гр., его мозг — 1430 гр., отношение — 1 : 46.

Как видно из этой таблички, и вес всего тела, и вес мозга человека ближе всего близки к весу тела и мозга человекообразных обезьян. Еще большее значение, чем вес, имеет строение мозга; и вот оказывается, что наибольшую часть его у человека и у этих высших обезьян составляют так называемые большие полушария, заведующие именно высшей сознательной деятельностью.

2. Сходство в строении рук и ног, бросающееся в глаза уже при первом взгляде. При подробном исследовании оказывается, что число, количество, форма и даже расположение костей и мышц почти одно и то же. Большое развитие пальцев руки делает ее самым совершенным орудием как

ВВЕРХУ: ЧЕЛОВЕК, ШИМПАНЗЕ И ПОЛУОБЕЗЬЯНА — сравнительная величина мозговой части черепа (черный цвет) и мозга. БП — большие полушария, М — мозжечок.

В СЕРЕДИНЕ: ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА ИЗ ДАЙТОНСКОГО ПРОЦЕССА — Джон Т. Скокс, учитель биологии (в белой рубашке), слушает приговор судьи Раульстона, осудившего учение Дарвина, как заведомо ложь.

у человека, так и у высшей обезьяны. В значительной мере это же относится к ноге, дающей возможность передвижения на двух конечностях вместо четырех.

3. Отсутствие хвоста у человека и антропоядов.

4. Сходство в строении лица, выражающееся в отсутствии на нем волос, в устройстве носа, в открытом лбе и т. д.

5. Сходство в строении зубов. Как у человека, так и у высших обезьян их имеется 32; коронки зубов у тех и других широкие, служат для пережевывания пищи.

6. Сходство в строении грудной клетки: только у человека и человекообразных обезьян она сжата спереди назад, а не с боков, как

у других животных. Количество грудных позвонков или одинаковое (человек и орангутан) по 12, или различается очень незначительно (13—14).

7. Сходство в строении костей таза, которые соединяются у человека и высших обезьян с 2—3 позвонками крестца, тогда как у низших — лишь с одним. Такое соединение имеет большое значение для устойчивости тела при ходьбе в вертикальном положении.

8. Большое сходство в развитии зародыша.

9. Наиболее, наконец, показательное сходство в составе крови. Именно, сыворотка крови животного, взятая от совершенно несходного вида, разрушает кровяные тельца того животного, которое ее вприскивают; если же оба вида близки между собою, то такого разрушения не происходит. Так, сыворотка собаки действует ядовито на кровяные тельца барана, но будет совершенно безвредной для волка. При смешении в стеклянной посуде крови человека и человекообразной обезьяны разрушения кровяных телец не происходит.

Несмотря, однако, на все эти черты сходства, существует все же ряд отличий настолько серьезных, что предположения об очень близком родстве человека и обезьян приходится оставить. Эти различия следующие:

1. Во взрослом состоянии человек не покрыт шерстью.

2. Объем и вес мозга человека слишком сильно превышает объем и вес его у высших обезьян.

3. Форма черепа и подбородка резко различаются между собою: у обезьяны сильно развиты костные гребни (над глазами, на темени и затылке), а у человека их почти не имеется. Благодаря выступающим челюстям, лицо у обезьяны получает типичный вид звериной морды. Это впечатление усиливается, благодаря низкому покатому лбу и отсутствию выпуклого затылка. Подбородка у обезьяны не имеется, на его месте имеется лишь покатость назад.

4. Зубы обезьяны являются более массивными, в особенности сильны клыки, которые при сжатых челюстях располагаются не один над другим, как у людей, а один рядом с другим.

5. Несмотря на общее сходство в строении рук и ног, имеются и определенные различия: по сравнению с длиной туловища, руки обезьян гораздо длиннее, чем руки человека; большие пальцы их очень слабы, коротки и не в состоянии так противопоставляться прочим пальцам, как человеческие. Ноги обезьян гораздо более приспособлены для лазания и хватания, чем у людей. Обезьяна ступает не на плотную устойчивую стопу, как человек, а на подо-

гнутые длинные пальцы и поэтому ходит на ногах она очень плохо.

6. Позвоночник обезьяны имеет очень слабо выраженные изгибы. У человека эти изгибы очень сильны. Поэтому обезьяна не может держаться совершенно прямо, как человек, и кажется сутулой.

Всех этих признаков сходства и различия слишком, однако, мало, чтобы окончательно решить вопрос о родстве человека и обезьяны. Поэтому наука обратилась к изучению ископаемых остатков человека, и в этом направлении ей удалось открыть очень много. Что же дают нам ископаемые остатки человека?

Остатки самого древнего человеческого существа можно считать находку голландского ученого Дюбуа, сделанную им в 1891 г. на острове Ява. В почвенных наносах между костями, принадлежавшими различным ископаемым животным, он нашел черепную крышку, четыре коренных зуба и бедренную кость, сильно отличавшихся от современных человеческих, но все же резко разнящихся и от обезьяньих.

Эти скудные остатки были тщательнейшим образом изучены учеными всего света, по поводу их велись горячие споры и в конце концов пришлось прийти к выводу, что они принадлежат безусловно к человеку, хотя и организованному значительно ниже современного. Существо это получило название «прямоходящей человекообезьяны» или на принятом в науке латинском языке — питекантропус эректус. Человекообезьяна ходила уже на двух ногах, хотя в несколько согнутом положении, объем ее мозга был около 900 куб. сант., тогда как у современного человека около 1300, а у гориλλы 500. К сожалению, других остатков этого крайне любопытного существа, несмотря на усиленные поиски, найти не удалось.

В 1907 г. в Германии около Гейдельберга при раскопках на глубине 12 сажен была найдена нижняя челюсть с зубами, принадлежавшая несомненно человеку, но вместе с тем и с резко выраженными обезьяньими чертами — большой массивностью и отсутствием подбородка. Олять-таки, эта находка является одиночной и других остатков от этого «Гейдельбергского» человека мы не имеем. На основании

ВВЕРХУ: ЧЕЛОВЕКОБРАЗНАЯ ОБЕЗЬЯНА может иметь все привычки настоящего человека. ВНИЗУ: ПРОФИЛИ ЧЕРЕПОВ обезьяны, доисторического человека и современного француза. Жирная линия, принадлежащая неандертальскому черепу, занимает промежуточное место относительно высшей (француз) и нижней (обезьяны) формы черепа.

этой находки мы тоже можем заключить, что этот «Гейдельбергский» человек имел более звероподобное строение, чем современный.

В 1911 г. в Англии около Пильтдауна были найдены части черепа, по которым объем мозга можно было определить в 1300 — 1500 к. с., т. е. равный объему мозга современного человека; тем не менее строение мозга «Пильтдаунского» человека было проще современного.

Если все эти остатки оказывались слишком скудными, и относительно их можно было много спорить, то зато остатки еще одной человеческой породы, получившей название «Неандертальской», известные в большом количестве и из самых разнообразных мест. Впервые такие остатки были найдены в 1856 г. в долине реки Неандер, в Германии. Для ученых они представлялись столь необычайными, что долгое время их считали просто остатками современного человека, лишь сильно изуродованными болезнью. Однако, это предположение пришлось оставить, когда эти особенности были обнаружены у большинства остатков того же возраста и при том в таких отдаленных друг от друга местностях, как Франция и Чехо-Словакия, Германия и Испания. В самое последнее время их нашли на Кавказе, в Крыму.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА ЧЕЛОВЕКА И ОБЕЗЬЯНЫ (слева). ВВЕРХУ: ТАЗ ЧЕЛОВЕКА (слева) И ШИМПАНЗЕ (справа) — в обоих случаях кости таз образуют хорошую поддержку для добычи в вертикальном положении.

ВНИЗУ: ЗАРОДЫШИ ОБЕЗЬЯНЫ (слева) И ЧЕЛОВЕКА (справа) — сходство зародышей наблюдается в большинстве стадий развития. ЧЕРТЫ НЕСХОДСТВА ЧЕЛОВЕКА С ОБЕЗЬЯНОЙ (справа). ЗУБЫ ЧЕЛОВЕКА (вверху) И ГОРИЛЛЫ (внизу) — на рисунке заштрихованы клыки, причем резко видна разница в величине и расположении их.

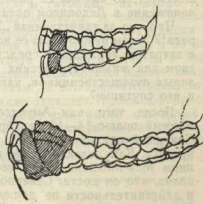
Чем же отличается этот человек от современного? Роста он был небольшого и имел сравнительно короткие руки и ноги. Отсутствие изгибов позвоночника придавало ему сходство с сутулой фигурой высших обезьян, тем более что и устройство ног заставляло его держаться в полуогнутом положении. Особенно замечательен его череп — с покатым, низким лбом, выдающейся вперед нижней челюстью, выдающимися надбровными дугами, широко расставленными глазницами и крупными скулами, — приближающий его к обезьяне. Объем мозга Неандертальского человека уже не уступал объему мозга современного человека. Интересно то, что зубы его от обезьяньих отличались еще больше, чем отличаются от них наши зубы.

Одним из важнейших отличий человека от животных — даже и самых развитых — является способность человека делать различные орудия труда. И вот, вместе с костями Неандертальских людей уже были найдены каменные орудия, — топоры, скребки, ножи, притом изготовляемые чрезвычайно искусно. Неандертальский человек был уже знаком с употреблением огня, до чего не дошло ни одно животное, имел уже домашних животных, и, следовательно, обладал уже некоторой культурой. Это был уже самый настоящий человек, во многом похожий на современных диких Австралии и Новой Гвинеи.

Итак, древнейшие остатки предков человека оказались все таки принадлежащими человеку, а не обезьяне; и питекантроп и гейдельбергский человек носят чисто человеческие, а не обезьяньи черты. Очевидно, что только древнейшие предки и питекантропы и обезьяны были настоящими, четвероногими зверями, от которых берут начало две ветви — обезьянья и человеческая. У обезьяньей ветви изменялись, главным образом, конечности и туловище.

Обезьяна — не «дед» человека, а скорее его «двоюродный» брат. Предки человека не были обезьянами, но и у человека, и у обезьяны был общий звероподобный предок.

Таков вывод современной науки. Дарвин, значит, оказался прав, но только в том отношении, что человек и обезьяна — родственны.

СЛЕВА: РОАЛЬД АМУНДСЕН (слева) и американец Линкольн Эльсворт, финансировавший его экспедицию, на торжественной встрече в Осло (Норвегия).

СПРАВА: АМУНДСЕН ВО ЛЬДАХ. Этот интересный снимок сделали участниками амундсеновской экспедиции вскоре после посадки на лед, когда один из двух аэропланов разбился. Как известно, Амундсен хотел достичь полюса по воздуху, но из-за недостатка бензина аэропланы должны были садиться во льдах.

ВНИЗУ: ВОЗВРАЩЕНИЕ АМУНДСЕНА—увеличенный гидротранс Н-25 подлетает к берегам Норвегии.

НЕСМОТЯ на многовековые научные исследования земной поверхности, на карте земли найдется еще не мало мест, где вместо густой сети рек, городов, дорог и поселений имеются только белые места. Это те местности, о которых география еще ничего сказать не может, потому что они ей неизвестны.

Больше всего мы найдем таких мест в центральной Азии, Африке и Северной части Ю. Америки. Но полярные области побили в этом отношении наибольший рекорд.

Вокруг Южного полюса набросаны только незамкнутые контуры мало изученных клочков земли, вокруг Северного—на картах пока сплошное белое пятно.

Тяжело путешествие в эти полярные страны. Непрерывная ночь в 4—6 месяцев, ужасающие холода и бури, непроезжимые льды и снега этих стран унесли много жизней отважных путешественников. И все-таки исследования этих полярных стран продолжают.

ОДНИМ из вопросов, которые ставила себе последняя воздушная экспедиция Амундсена к Северному полюсу—это выяснить, существует ли „Земля Гарриса“, и если существует, то каковы ее размеры и расположение в Ледовитом океане?

Что это за таинственная „Земля Гарриса“? Зачем нужно было ее исследовать с затратою громадных средств и с риском для жизни героических и талантливых путешественников, как Амундсен и его спутники?

После того, как Амундсен открыл Южный полюс 14—17 декабря 1911 г., Северный полюс оставался еще неоткрытым. Как оказалось по исследованиям Мак-Миллана, Кук, который заявлял, что он достиг Северного полюса, в действительности не дошел до него 500 миль, а Пири, пробравшийся к Се-

верному полюсу так далеко, как никто до него, не дошел почти 150 верст.

Таким образом, Северный полюс еще манил к себе путешественников, и Амундсен интересовался им, как путешественник и ученый.

Однако, его путешествие интересовало не только ученых. Ко всем сборам Амундсена и его путешествием самым внимательным образом присматривались и правительства Англии, Канады и Соединенных Штатов. Их интересовало, конечно, не Северный полюс, а занимала больше всего та самая „Земля Гарриса“, которую и было поручено исследовать Амундсену во время полета к этому Северному полюсу.

Несмотря на весь интерес „Земле Гарриса“, нет еще ни одного человека, который наверное знал бы, существует ли она, или нет?

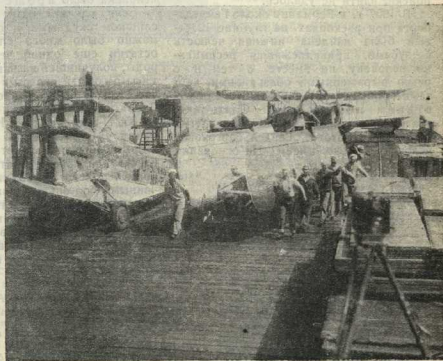
Предположения о ней возникли вот почему.

После своих путешествий Нансен пришел к убеждению, что в Ледовитом океане нет никакого большого материка и что поэтому Полярный Бассейн (весь Ледовитый

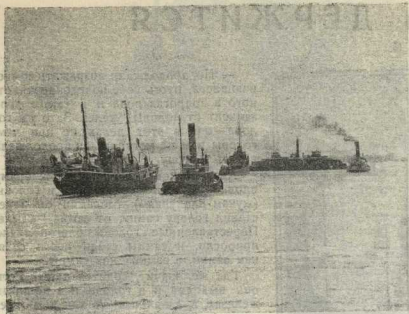
ЗЕМЛЯ

Профессор МУРАЛЕВИЧ,

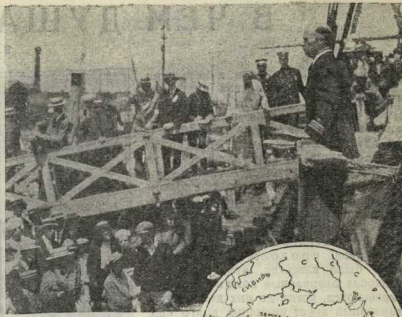
океан) представлял собой глубокую впадину (около 1½ верст глубины). Однако, в 1911 году Гаррис высказал предположение, что все-таки среди Ледовитого океана должна лежать суша. В 1920 г. Стефансон попытался проделать следующие: он соединил на карте все те крайние точки, до которых когда-либо ложились корабли полярных путешественников, проложил от них по направлению к Северному полюсу линии по 500 миль длиною

ЭКСПЕДИЦИЯ МАК-МИЛЛАНА: последние 530 миль до полюса Мак-Миллан рассчитывает сделать по воздуху. Снимок показывает приземления к поздравлению экспедиции на борт „Пири“, корабля Мак-Миллана.

СЛЕВА: ОТПРАВЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ МАК-МИЛЛАНА. Его судно „Пири“ (слева) уходит из Чарльстауна на север. На корме видны погруженные аэропланы.

СПРАВА: КАПИТАН ДОНАЛЬД МАК-МИЛЛАН произносит последнюю речь перед отправлением. ВНИЗУ: ТРИ ПУТИ К ЗЕМЛЕ ГАРРИСА—Норвежец Р. Амундсен отправился на аэропланах со Шпицбергена, где была его база в 53 милях от полюса. Исландец Г. Алгарсон, руководитель английской экспедиции пролетит последнее пространство на небольшом дирижабле. Наконец американец Мак-Миллан рассчитывает достичь цели на аэропланах, отправляясь из Гренландии.

ГАРРИСА

снимки „International News“

(изображающие длину наибольшего пути, который когда-либо путешественники могли проделать пешком от места останков корабля, как это сделал Пири в 1908 г.) и получил внутри Ледовитого океана область, имеющую форму трапеции и величину в полмиллиона квадратных миль.

Эта область была названа областью „относительной неопределенности“, куда человеку, при современных средствах полярных путешествий, попасть почти невозможно. Область эта чрезвычайно совпадает с предполагаемым местом

„Земли Гарриса“. В том же 1920 г. русский ученый Мультановский высказал предположение, что к северу от Сибири должно находиться два центра действия атмосферы, вызывающие появление холодов и теплых погод в СССР, при чем по своим свойствам они должны возникать на суше и быть — один на краю предполагаемой „Земли Гарриса“, а другой — на открытой Вилькицкийким в 1913 г. „Земле Николая I“.

Наконец, Рабо и Виттенбург в 1924 г., сопоставляя все данные о Ледовитом океане, также пришли к тому убеждению, что, судя по направлениям морских течений в Ледовитом океане, земля Гарриса все-таки должна существовать.

Но что же из того, что пресловутая „Земля Гарриса“ может быть, и существует? Кому до этого какое дело?

Дело в том, что если эта земля существует, то на ней находятся огромные лежбища разнородных образцов морской зверей — тюленей, моржей и др., которые обещают миллионные доходы промышленникам. Кроме того, на „Земле Гарриса“ можно было бы оборудо-

станции для перелетов из Европы в Аризку, что укоротило бы существующий путь на три дня, т.е. почти вдвое.

22 мая с. г. Амундсен, вылетев Шпицбергена, взлетел своим аэропланом в лед, лежащие в 300 верстах от льеса, и затем 18 июня благополучно вернулся обратно на Шпицберген. В какой „Земли Гарриса“ он заметил метр и более того — нашел глубину 600 метров, что обозначает, что земля близко нет.

Казалось бы, что „Земля Гарриса“ значит, нет, и все мечты о миллионных доходах должны лопнуть.

Однако, это преждевременно. По Амундсену доказал только то, что в этой земле нет со стороны Европы; но как, по Гаррису, она должна находить совсем с противоположной стороны, чем та, которую видел Амундсен, то до сих пор нет доказательств того, что „Земля Гарриса“ нет, хотя Амундсен ее и не видел. Не доказывает это и нахождение глубины свыше 3.000 м. К востоку от пути Амундсена ледовая область суши почти величиной с „Землей Гарриса“, в которой еще Нансен на глубине 3.000 м. глубины, — на нее-то Амундсен и натолкнулся. А около Южного ледяного материка экспедиция Шенстона (1914—1917) нашла в 30 милях берега глубину в 2.440 м; в заливе называемом морем Уэдделя, даже 5.000 м. Значит, и это доказательство Амундсена также опадает. И „Землю Гарриса“ будто по этому еще много охотников искать. Не найдет ли ее кто-нибудь из молодежи СССР, когда подрастет для этого дела?

ИСКАТЫЛИ ЗЕМЛИ ГАРРИСА: Экспедиция Г. Сноу, которая нашла останки пропавшей экспедиции Стефансона, исследовали Землю Гарриса.

В ЧЕМ ДУША ДЕРЖИТСЯ

В. М.

ЧЕЛОВЕК жив, пока в нем душа держится. Отделала душа — и человек мертв*. Так говорит всякая религия и всякое невежество. Но что о душе говорит настоящая наука? Есть ли душа? Можно ли жить без души? И если душа есть, то где она в теле держится?

Что с душою дело обстоит не совсем благополучно, об этом догадывались люди еще в глубокой древности. За 300 лет до нашего летоисчисления указывали, что сердце животных, вырезанное из тела, продолжает биться; давно было известно, что у паука-сеюкоуса оторванные ножки долго еще сокращаются, когда до них дотронуться; оторванный хвост ящерицы долго еще извивается; части разорванного пополам дождевого червя располагаются в разные стороны и т. д.

Все эти наблюдения не могли не вызывать сомнений. Но ловкие надутели и невежды находили всему этому «свое» объяснение: «у животных — дескать — души нет, а есть только один «пар», ну, а «пар» — другое дело, чем душа: он всюду сидеть может — оттого паучья нога и живет — да же, и оторванная. Мыслящих людей это объяснение, разумеется, удовлетворить не могло. Они деятельно старались найти условия, необходимые для жизни, пытались узнать, почему некоторые части тела, отделенные от него, могут жить, когда тело уже умерло — и, наконец, добились того, что тайна жизни если не открылась совсем, то по крайней мере приоткрылась хотя бы немного.

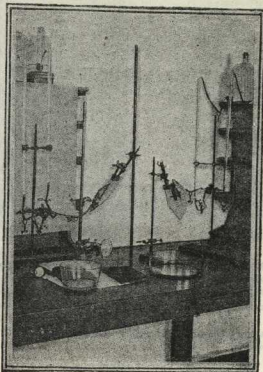
Русский ученый Кулябко проделал следующий опыт: через сутки после смерти трехмесячного ребенка, умершего от воспаления легких, он взял его сердце, пропущал через это сердце жидкость, составленную по рецепту английского ученого Локка... сердце начало биться, как живое!

После этого не оставалось уже сомнений в том, что и сердце человека с самой «зарпавской душой» тоже может жить без души, якобы остающейся в теле. Стало вместе с тем ясно, что, по крайней мере, части тела могут прекрасно обходиться и без души.

Но скажут сомневающиеся, не ожил ли сердце ребенка именно потому, что душа его не отлетала от него через сутки? Не ожило ли оно еще и потому, что ведь сама душа-то сидит в сердце?

На это ответил наш другой русский ученый — Н. П. Кравков. Он взял пальцы одной курочки, погибшей под травмаем, стал соскребать их в особую жидкость, и целых 2 месяца пальцы эти жили у него в банках, и даже отрастили себе ногти на 2 миллиметра!

Но дальше оказалось нечто еще более удивительное: когда в кровеносные сосуды отрезанных пальцев пропускали потогонное лекарство — пальцы потели, когда в них пропускали лекарство, от которого сжимаются кровеносные сосуды, сосуды эти сжимались и в отрезанных пальцах. Мало того: пальцы эти высунывались потом размачивались и подвергались лействию

*ВВЕРХУ: ОПЫТЫ Н. П. КРАВКОВА по оживлению кроличьих ушей.
ВНИЗУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТОВ ФИНКЛЕРА ПО ПЕРЕСАДКЕ ГОЛОВ. (Слева направо) 1 — светлый плавщик; 2 — ладный, ставший марморным вследствие искусственного освещения; 3 — светлый плавщик, ставший марморным после того, как ему пересадили голову окрашенную*

потогонных и сосудосжимающих лекарств — и все-таки каждый раз после отмачивания они вели себя, как живые!

Таким образом, даже для самых рьяных сторонников души стало, по крайней мере, ясно, что если душа и есть, то она может жить даже в пальцах, а не только в сердце.

Однако, вскоре для души нашлось еще одно — прелестное — место.

У всех у нас в употреблении слова: «женская», «мужская» душа. Эта «душа» — то и отличает мужчину от женщины, — а петуха, например, та же «мужская душа» заставляет «петь петухом», драться со всеми соседскими петухами, распускать крылья перед «дамами своего сердца» и т. д.

Но вот, что показал третий русский ученый — Заводский: он пересадил петушине семенники курам, а куриные яичники петухам — и куры стали вести себя, как петухи, а петухи, как куры. Мало того, когда врачи удаляли из тела мужчины некоторые части, благодаря которым эти мужчины вели себя в некоторых отношениях, как женщины, то мужчинам делались «настоящими» мужчинами, без всякого изъятия.

Где же стало быть предполагалась душа еще кроме пальцев? В некоторых частях органов размножения. Совсем, так сказать, в неподходящем месте.

— Но, продолжали возражать сомневающиеся, пусть себе поведение животного в вопросах пола и в самом деле зависит от половых желез. Зато уж голова — она в этих делах не при чем; головы вам не уступим! — и продолжали верить в душу.

Австрийскому ученому Пржибрауму вполне удалось переставить и головы (жукам плавучкам): от самки он переставил голову самцу, от самца — самке. Переставленные головы благополучно приросли, и самцы стали вести себя, как самки, а самки — как самцы.

Где же, значит, водится душа? Есть она выходит и в голове, и в половых железах, и в пальцах! А так как отрезанные, высунутые и размоченные кроличьи уши, кошачьи кишки в опытах Кулябко и Кравкова тоже вели себя, как живые, то душа водится, значит, и в ушах, и в кишках — одним словом, всюду, где хочешь, в теле животного.

А самое главное — эти части тела ведут себя, как живые, только под влиянием не таинственных сил, а очень простой жидкости, которая может изготовлять всякий хмик.

Эта жидкость, необходимая для поддержания жизни отдельных частей тела, приготовленная Локком, состоит из поваренной соли, хлористого калия, хлористого кальция, двууглекислой соды и виноградного сахара. Все это самые обыкновенные вещества; но будь они и самого необыкновенного состава, сторонникам души все равно это ничему не помогло бы: ведь душа, по их учению, есть нечто бестелесное, духовное и ни из какой материи не состоит; она «нематериальна» — а все, что нужно для локковской жидкости, есть сама настоящая материя и ровно ничего духовного в себе не имеет.

Так наука и доказала, что нужно просто внимательно исследовать физико-химические условия жизни. Тогда и станет понятным, что жизнь есть ряд таких же физических и химических явлений, как и те, которые постоянно наблюдаются в любой фабрике, лаборатории, в любом уголке природы, — только очень сложный и поэтому мало изученный. Пройдет время, и его изучат так же, как любой производственный процесс и будут владеть им, как теперь владеют процессами выделки многих красок и лекарств, которые еще недавно казались не менее загадочными, чем сама жизнь.

В заключение, однако, еще несколько слов. Что же, можем ли мы оживлять теперь любого покойника и переставлять головы от умных глупцам?

Далеко еще нет. То, что сделали Кулябко, Кравков, Заводский — только еще самое начало огромной работы покорения человеку жизни. Осталось сделать еще во много раз больше того, что они сделали. Но они указали путь и победе над загадочным, — и в этом их заслуга. Что же касается души, то с нею они локочили основательно — раз и навсегда.

МАССОВАЯ ЛЫЖНАЯ ВЫЛАЗКА

Б. ГРОМОВ, СНИМКИ С. КРАСИНСКОГО

стишков, который пожелает иметь свои собственные лыжи. Собственно, последняя категория лиц сделает наиболее правильный шаг, ибо научившись хорошо ходить на лыжах и серьезно заниматься ими, следует на своем инвентаре, который прочен и находится в образцовом порядке.

Если средств у вручка достаточно, он купит физические лыжи, лучше типа „Халпаззи“, палки и пьексы (специальная лыжная обувь). В крайнем случае можно обойтись без последних. Но если лыжный кружок получает минимум средств, недостаточных для покупки инвентаря, что тогда делать? В каждом крупном городе есть спортивные организации, а также лыжные станции профсоюз. Кружок может принести к ним и в известные дни получить инвентарь напрокат.

Когда все устроено, желательно, чтоб занятия жука-

для человек, знакомый с теорией и практикой лыжного дела. Лучше, если он сам едет на лыжах и имеет известные достижения.

Часто приходится слышать, как начинающим задают вопрос: „А как скоро можно научиться ходить на лыжах? Ибо понимая это представляется весьма трудным. На вопрос есть два ответа. Ходить, вообще, перестать на лыжах, каждый научится скоро. Если же он не будет бегать 15 километров в час, на это делает специально подготовленной лыжной техникой, кто предварительно занимался какими-либо физическими упражнениями, ибо у него уже выработалась известная координация (согласованность) движений, позволяющая скорее постигнуть дело практику. Такой участник, после 3-4 уроков будет свободно передвигаться со скоростью 5-7 километров в час.

Костюм лыжника должен быть таким, чтобы не стеснял движений участника и вместе с тем не слишком теплым, дабы не застаивал тело сильно потеть.

На ноги лучше всего надеть две пары шерстяных носов, дальние пьексы, или, за неимением, обыкновенные валенки, обшитые кожей (чтобы было не так протерано). Затем назу обыкновенные ботинки, которые держатся ремнем на носке. Если

Предположим, что на каком-либо заводе появилась инициативная группа, которая начинает агитировать за организацию лыжного кружка. Здесь можно посоветовать следующие. Обратиться в ближайший совет физической культуры или губотдел профсоюза с просьбой прислать лектора, который интересным, живым докладом сумеет доказать присутствующей массе рабочих пользу занятий лыжным спортом.

Итак, первый шаг сделан. Теперь поднимается вопрос, где достать инвентарь? Прежде всего здесь на помощь должен прийти профсоюз, всегда имеющий в своем распоряжении лыжи. Таким образом, часть потребного количества лыж может быть получена бесплатно. Другую часть можно выплести уже за наличный расчет (здесь квалификация фабрики отпускает средства) из Торгсектора Высшего Совета Физической культуры, магазина „Динамо“ или фабрики Втойск (Москва). Наконец, всегда найдется известный процент уч-

Массовые лыжные вылазки

сть шерстяная фуфайка без начеса, то ее можно надеть. Но в крайнем случае возможна и такая комбинация: на тепло-обыкновенная рубашка, затем бумажная рубашка, или легкая вязаная из нетканной шерсти. На — туго-кожаные рукавицы со вставленной внутри шерстяной ваткой. В перчатках не ходить — пальцы мерзнут. На голову — вязаную шапочку или кепку и наушники.

Если экскурсия проводится на целый день, то следует каждому захватить с собой завтрак и немного денег на чай в деревенском трактире. На завтрак берите хлеб и побольше сахара или масла. Рассчитывайте на то, что аппетит будет у вас волчий.

Всех участников следует разложить на группы — плохо умеющих ходить и лыжников с известным стажем. Занятия и вылазки надо проводить для каждой группы отдельно, дабы на прогулках не получалась такой картин, что сильные лыжники — удрали, а слабые несотого бредут следом, брошенные товарищами.

Чтобы экскурсия прошла наиболее организованно, следует заранее выбрать командора, который является распределителем по всем вопросам — организационных и хозяйственных.

Маршрут прогулки всегда должен быть выбран заранее. В пути никаких изменений не допускать. Не увлекаться дальностью пробега. Прогулки более чем на 15 километров, и то для лыжников с известной подготовкой — не рекомендуются. Если вы в своем занятии лыжным спортом не грешили против самых основных правил гигиены, то результаты будут положительными и навсегда сделают вас горячими сторонниками этого прекрасного вида спорта, при желании доступного каждому труженику.

О ШАХМАТАХ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР В МОСКВЕ.

С. СЛОНИМ, снимки Е. ЧЕБОТАЕВА.

Особенно хочется выделить Торре, двадцати летнего мексиканца, больше знакомого с тонкостями шахматного искусства, чем с географическим расположением СССР, и догнавшегося приехать к нам в ноябре месяце без пальто. Торре, по собственной настойчивости добившийся приглашения на турнир (стажа мало), поражает блеском своей игры, свежестью и оригинальностью атаки. Это, можно думать, — будущий чемпион мира.

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ

В О ГЛАВЕ русской группы участников турнира Боголюбов, чемпион СССР, талантливый шахматист, 1-й призёр многих международных турниров. Далее участвуют: Романовский, Ильян-Женецкий, Верлинский, Левеффин, Богатырчук, Рабинович, Дуз-Хотимирский, Зубарев, Готтгаф.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ТУРНИРА

РУССКАЯ группа участников турнира, за редким исключением, играла прекрасно. Я не учел всей силы русских игроков* — горестно заявляет Капабланка. Не учел, и в результате 2,

ЗАГРАНЦЕЙ пишут о России, как о шахматном Эльдorado. «В России есть академия, выпускающая уже готовых шахматных маэстро!» — восторженно возмущается одна немецкая газета. «500.000 рабочих обучаются в России шахматам» — пишет друг.

Мы скромны. Мы прямо заявили, что это «целомого» преувеличено, раз в 3 преувеличено, и маэстро у нас не так много и до механического изготовления их АИЗ еще не додумался.

Но того факта, что шахматы охватили широчайшие круги населения, что нет у нас клуба без шахматного кружка, что красноармейцы повышают свои стратегические познания игрой в шахматы, — мы, при всей своей скромности, не будем отрицать.

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРНИРА

ЭТИМ НОВЫМ кадаром шахматистов нужно учиться, им нужны инструменты, им нужен учебный материал. И вот уже в прошлом году выдвинуется постановление «создать в 1925 г. в Москве международный турнир». Наш актив будет учиться на образцах лучших мастеров мира, партии турнира будут размысливаться во всех бесчисленных кружках шахматистов, — что то, что нам сейчас нужно. О политическом значении турнира, в котором участвуют чемпионы всех стран мира, даже стран, нас пока еще не признавших, мы распространяться не будем, — оно понятно.

КТО К НАМ ПРИЕХАЛ

ЧЕМПИОН мира Капабланка, экс-чемпион Ласкер, чемпион Америки Маршалл, чемпион Польши Рубинштейн, — вот имена, одного переисчисления которых достаточно, чтобы воодушевить любого шахматиста и вызвать предостережение о многочисленных победах на международных турнирах, о блестящих партиях, об упорной борьбе за звание чемпиона мира.

Рети (чемпион Чехо-Словакии), Тартаковер (Франции), Грюнфельд (чемпион Германии), Землин (Германия, рабочий-перелетчик), Ейтс (Англия), Шпильман (Германия) — талантливейшие шахматисты современности, постоянные призеры международных турниров. Оригинальнейшие и в к и в к и к и (Рети, Тартаковер), остроумнейшие комбинаторы (Шпильман), теоретики (Грюнфельд); все они — лучшие мастера современного шахматного мира.

ДВА СТАРЫХ ПРОТИВНИКА: чемпион мира Хосе Рауль Капабланка (справа) и 8-й Эмануил Ласкер, бывший чемпион мира (слева).

В СЕРЕДИНЕ: ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА — мексиканец Торре, одна из самых интересных фигур турнира.

ВНИЗУ СЛЕВА: ЧЕМПИОН СССР Е. Боголюбов, победитель турнира. СПРАВА: ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ, получивший мировую известность, благодаря выигранной у Капабланки.

Это — не обыкновенная сенсация, это — сверхсенсация, которой заграничные сразу и не поверят. Достаточно вспомнить, сколько шума наделал проигрыш Капабланки Рети в прошлом году, чтобы понять необычайность его проигрыша двум неизвестным (за границей) шахматистам. В результате после первой половины турнира чемпион мира на 9-ом месте, ниже русских шахматистов Ильян-Женецкого, Романовского, Рабиновича.

ЛАСКЕР ИЛИ КАПАБЛАНКА.

ВСЯ ИНОСТРАННАЯ пресса уславлено трюнкует вопрос, кто из этих двух титанов возьмет первый приз.

Закончившийся турнир разбил предположения печати. Чемпион СССР Боголюбов оказался 1-м призером, обогнав на 1½ очка Ласкера. Чемпион мира Капабланка оказалась только на 3 месте. Этот успех Боголюбова громадного масштаба. Во всей истории шахмат только Пильсбери однажды был на 1 месте, впереди 2 чемпионов мира — Ласкера и Стейнши.

В число призеров из русских шахматистов попал еще Романовский, Ильян-Женецкий и Богатырчук. Сил все показывая игроу высокого класса и большую изобретательность. Нужно думать, что в ближайших международных турнирах, куда их несомненно пригласят, они подтвердят этот свой успех, выигравший одновременно успехом и русского шахматного искусства.

На 4 месте — Маршалл, на 5 и 6-м — Торре и Тартаковер. Рубинштейн, Шпильман, Ейтс, Землин оказались без приза.

Приключения святочного деда
в 1925 году

или **подзаптыльник**

Декабря, 25.

Едва свечерело, пошел, как всегда, в обход. Спервоначалу, конечно, на Арбат побежал, к их превосходительствам. Однако, барыни до себя не допустили, и только через Асютку полтинник выслали. «Ива, — говорят — старый, еще узнает тебя здесь, хлопот не оберешься — того гляди, обидки сделают!».

Зато у Макара Кузьмыча полное удовольствие получал: этот старых приятелей не обижал. Только кивалки, сволочки, подвела, — чуть на асфальте не сблевал.

Потом отошло, и у Кости Восьмеркина — парней раньше в гимназии обучался, а теперь по булгагтерии служит, — очень даже весело было. Уютно у них, мне понравилось.

И все бы хорошо, да в квартире 5 ошибка вышла: не тулы, охвачивается, попла. Вложу — ревашки, а им образовался и зайчика натурально показываю, а они, молодкосы, и видеть не хотят. И не только видеть не хотят, а чуть я набиваться стал, так моим же зайцем по шее огрели и за дверь выкинули. Ну, как я теперь к ребятам подступлюсь, смеет такое отношение.

Д. ГУРЕВ 1925

СМЕНА

★

1926

★

12 МЕС. - 4 р. 10 к.

6 // - 2 р. 20 к.

3 // - 1 р. 15 к.

1 // - 0 р. 40 к.

ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ НЕ
ПОДПИСАЛСЯ НА
„С М Е Н У“
СДЕЛАЙ ЭТО СЕГОДНЯ,
НЕ ОТКЛАДЫВАЯ.

Москва, Новая площадь, 6.8, Отдел периодических изданий
Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.